Малая книга с историей

Саша Чёрный

Сказки и рассказы

Иллюстрации А. Доброчасовой

Сказки и рассказы
Саша Чёрный

Аннотация
Саша Чёрный. Сказки и рассказы
Красный камешек
Нолли и Пшик
Домик в саду
Невероятная история
Голубиные башмаки
Разбитое стекло
Ссора
О мыши, которая легкомысленно забралась в чемодан
Железное колечко
Мирная война

Аннотация

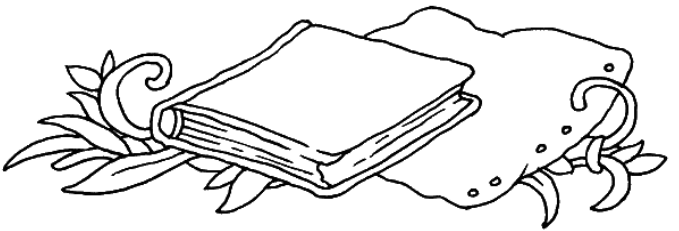
Саша Чёрный (1880–1932) – поэт Серебряного века, прозаик, журналист, получивший широкую известность благодаря своим лирико-сатирическим стихотворным фельетонам.

Детская тема занимает особое место в его творчестве. Его произведения отличает невероятно трогательное отношение к ребёнку, которое позволяет вести с ним одновременно серьёзный и в то же время задушевный разговор.

Саша Чёрный
Сказки и рассказы

© А. Доброчасова, иллюстрации, 2019
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

Красный камешек



Дача стояла у леса. Жоржик скоро-скоро позавтракал и побежал к грядкам. Вчера он с дворником посадил горох — надо было посмотреть, не вылез ли он уже. Но на грядках ещё ничего не было. Жоржик поковырял палочкой землю, вынул одну горошину и опять зарыл её.

Потом он подошёл к забору и стал смотреть в лес: за кустами качались ёлки, в канавке блестела вода, под можжевельником важно гуляли две вороны и о чём-то разговаривали.

«Пойду в лес, — подумал Жоржик. — Только немножко, вон до той берёзки...»

Подумал и пошёл. В старом заборе одна доска совсем отвалилась, пролезть сквозь дырку было

нетрудно: сначала одну ногу, потом голову, потом другую ногу, — вот и в лесу!

По дороге к берёзке Жоржик два раза обернулся: «Вон она, наша дача… Красная крыша, огро-омная, и голубь на крыше сидит…» Дырку в заборе тоже было видно.

Дошёл мальчик до берёзки и сел отдохнуть. «Минуточку посижу и — домой. Здравствуй, букашка! Зачем по моей коленке ползёшь?»

Он снял букашку, посадил её на мох и сказал:

— Сиди тут, а то заблудишься!

Посмотрел Жоржик кругом: ёлочки скрипят («Верно, у них в середине такие пищалки, как у моего зайца», — подумал он), мураши с дровами один за другим куда-то бегут, как живая чёрная ниточка; папоротники кланяются; вверху тучки, — одна на Жоржина дворника похожа: с белой бородой и трубка во рту. Светло и совсем не страшно…

— Ах, какая беда! — запищал вдруг кто-то в лесу.

Жоржик испугался и вскочил:

— Какая беда? Кто меня пугает?

— Эй! Помоги-ка мне, милый! — опять сказал кто-то за кустами.

Жоржик хотел было заплакать и пуститься во

весь дух домой, но потом ему стало стыдно. Голосок был тоненький и жалобный, как у Амишки, когда ей хвост прищемят. Чего же пугаться? Он ведь большой… Может быть, это девочка с соседней дачи заблудилась, — надо взять её за руку и привести домой.

— Кто там хнычет? — храбро спросил Жоржик.

— Это я, ста-ру-шка… Поди-ка, мальчик, сюда!

— Да где же вы? — спросил Жоржик и посмотрел кругом. Старушки нигде видно не было.

— Здесь, за канавкой! Вот так, левее!

Жоржик подошёл к канавке и перебрался по сломанной ёлке на другую сторону. На кочке лежала маленькая старушка в синей кацавейке. Ноги её попали в болото, и она никак не могла вытащить: дёргается, дёргается, а ноги всё глубже в болото уходят. Совсем как муха на блюдечке с вареньем.

Жоржику стало смешно, но он удержался: рассердится ещё старушка, — может, она волшебница какая-нибудь?

— Бабушка, — сказал он, — давай руку, я тебя вытащу!

— Где тебе! Руки-то коротеньки, да и силы у тебя, чай, как у таракана. Гляди-ка! Вон там под берёзой моя котомка. Достань-ка из неё верёвку…

Один конец привяжи к берёзе, а другой брось мне. Так, молодец… Ну-ка, у-ух!

Старушка крякнула, ухватилась за верёвку, захрипела, покраснела и вытащила ноги из болота. Обчистилась на кочке, отряхнулась и говорит Жоржику:

— Спасибо, огурчик! Эх, ножки-то какие у тебя кругленькие! Что ж тебе подарить за то, что ты меня вытащил?

Жоржик задумался.

— Верблюда подари. Ма-аленького!

— Хе-хе! Верблюда… Чудак-мальчик… Где я тебе верблюда возьму? Да и тесно ему, чай, у тебя будет, — все грядки перетопчет… Постой-ка! — сказала старуха. Она приложила руку к уху и посмотрела вверх.

— Куда ты, бабушка, смотришь? — спросил Жоржик.

— Вороны кричат, чтобы я уходила отсюда. Они тут под берёзой косточку зарыли, а мы им мешаем достать её… Ладно, сейчас уйдём!

— Вот тебе на! — закричал Жоржик. — Как же ты знаешь, что это они про косточку?

— Знаю, хэ-хэ… Видишь, дружок? — Старушка вынула из уха маленький красный камешек и показала Жоржику. — Штучка небольшая, а в ней

всё дело. Вставил в ухо — и всё тебе понятно: как вороны разговаривают, как коровы, как разные букашки…

— Правда?! И как слон говорит, тоже понятно?

— Всё равно, хоть слон… Только здесь слонов не водится…

— Бабушка! — сказал Жоржик и схватил старушку за кацавейку. — Ты спрашивала, что мне подарить за то, что я тебя вытащил. Подари мне этот камешек. Ну, пожалуйста.

Вороны кричат, чтобы я уходила отсюда. Они тут под берёзой косточку зарыли, а мы им мешаем достать её…

Старушка надела на плечи котомку, погладила Жоржика по руке и засмеялась:

— Ишь ты, какой проситель! Выбрал! А я с чем останусь? Я тут в лесу, милый, без этого камушка, как лягушка без воды… Нет, ты что-нибудь другое попроси…

— Бабушка, бриллиантовая! Мне хоть на один день! Только поносить…

— Не потеряешь?

— Ни за что на свете!

— И никому не покажешь?

— Никому! — запищал Жоржик. — Ах, как интересно! У нас есть Амишка и козёл-стрекозёл, огро-омный, больше тебя, и всё под нос бормочет, петух есть и тараканы есть…

— Погоди, погоди… — сказала старуха. — Заторопился! Ладно. До вечера дам, поноси.

Она сполоснула камешек в канавке, вытерла его белой тряпочкой и дала Жоржику.

— Маме тоже нельзя показывать? — спросил он.

— Маме можно… Только не говори, откуда достал. Секрет. А вечером, как ляжешь спать,

положи камешек под подушку. Я приду и возьму.

— Как ты придёшь? Амишка возле моей кровати на полу спит, — увидит тебя и цапнет…

— Не цапнет! Я сама кого хочешь цапну… Ну, мальчик, прощай, — сказала старушка. — Погоди, погоди, стань-ка сюда.

Она поставила Жоржика лицом к берёзе.

— Постой так с минуточку и не оборачивайся.

— Уж можно? — спросил Жоржик, когда старуха отняла руки.

— Нет ещё.

— А теперь?

— Теперь можно! — закричала тоненьким голоском старушка из-за кустов.

Жоржик обернулся. Старушка пропала. На ладошке лежал красный камешек, маленький-маленький, как божья коровка. Жоржик быстро всунул его в ухо, подпрыгнул и бегом пустился домой.

Под кустом можжевельника всё ещё разгуливали две вороны. Жоржик остановился:

— А ну-ка, а ну-ка!

Ворона боком посмотрела на мальчика, отвернулась и сказала:

— Кра — удивительно! Опять этот мальчик. Кра — такой маленький и один в лесу гуляет.

Другая ворона подумала и ответила:

— Кра — странно.

Жоржик расхохотался, шаркнул ножкой и крикнул:

— Кра — сударыни! Кра — извините! Кра — не ваше дело!

Через полминуты он был уже в своём саду.

В саду было пусто. Только на дорожке копался большой коричневый жук. Жук отдыхал после обеда, грел на солнце спинку и не слышал, как подошёл Жоржик.

— Цап! Попался… — сказал Жоржик, схватил жука за грудку и приложил его к уху.

— Ж-ж-ж, ужасно жмёт… — зажужжал жук. — Лапками загребаю, животиком выгибаю, сейчас вылезу… Ж-ж-ах!

— Ой, как щекочет! — рассмеялся Жоржик и подбросил жука кверху.

Жук полетел и запел:

— Жин-жон-жон, Жоржик на дорожке, а я вон где!

— Даша! — закричал Жоржик. — Иди скорей сюда!

Даша шла с ведром к колодцу и остановилась:

— Зачем?

— Я тебе покажу что-то! Да скорей же!

Вдруг Жоржик вспомнил, что он обещал старушке никому не показывать красного камешка:

— Нет, Даша, не надо, не надо. Я нарочно! — крикнул он и побежал к балкону.

На балконной ступеньке лежала толстая собака Амишка. Жоржик сел на свою деревянную лошадь у балкона и стал ждать.

Амишке было жарко: глаза закрыла, пасть разинула, язык высунула. Длинный такой язык, хоть красным бантом завязывай, а бока так и ходят, как паровоз: «Таф-таф»...

Пришла кошка. Села на Жоржины качели, облизнулась, посмотрела на Амишку и мяукнула:

— Мур... У Амишки одышка, а у меня нет...

Амишка приоткрыла один глаз, посмотрела на кошку и захрипела:

— Р-р-р... Рваная шуба!

— А ты беззубый, — сказала кошка и запела:

— Мяу-мур, муха-муха, укуси Амишку в ухо!..

Амишка открыла второй глаз и встала на передние лапы:

— Р-раз! Подразни ещё, я тебе нос откушу! Кошатина!

— А ты собачатина! И подразнюсь: собаки ходят в намордниках, а кошки нет! Амишка-кубышка, голова как шишка! Хвост как палка, в животе

мочалка! Не достанешь, не достанешь… — Кошка соскочила с качели и полезла на столб.

Амишка улеглась.

— И не надо! Это у тебя в животе мочалка, оттого ты и дразнишься. Я сегодня утром суп с лапшой ела. Ага! И куриные косточки ела. А за обедом блинчики буду есть и котлетную подливку… А тебе мою вчерашнюю овсянку дадут…

— Ма-ма! — жалобно мяукнула кошка на столбе и выгнула горбом спинку. — За что мне овсянку?

— За то, что дразнишься, — сказала Амишка и опять закрыла глаза.

Кошка подождала, пока Амишка не захрапела, слезла со столба и подошла к Жоржику.

— Мняу! Жоржик-коржик, дай молочка.

— Не дам, зачем дразнишься?

— Я тебе сказку скажу.

— Интересную?

— Мур… Жили-были две мышки, серые пальтишки. Жил ещё кот, бархатный живот. Пошёл кот к чулану полизать сметану, ан чулан на задвижке. А в чулане мышки… Сидит кот перед дверцей, колотится сердце, — войти нельзя! Вот и запел кот, бархатный живот, тоненьким голосишкой вроде мышки: «Эй, вы, слышь! Я тоже мышь, — больно хочется есть, да под дверь не

пролезть… У вас там много в стакане, вымажьте лапки в сметане да высуньте под дверку. Скорей, глухие тетерьки. Я полижу — спасибо скажу…» Одна мышка и поверила: высунула лапку. А кот — цап! — со всех лап… Вытащил за лапку, сгрёб в охапку и гам! Так всю со сметаной и съел. Вкусно! Хорошая сказка?

— Сказка хорошая, а кот злой! Зачем обманывает? — сказал Жоржик.

— Мурлау! Я не виновата. Жоржик-коржик, дай же молочка…

Жоржик побежал к Даше, попросил у неё молока, налил в крышку от ваксы и принёс кошке.

— На! Скорей пей, мне некогда.

— Молоко! Ляп-ляп-ляп-ляп-ляп. Всё. До капли… Урлы-урлы-урлы… — запела кошка и стала тереться о Жоржины коленки, то одним боком, то другим.

«Ишь ты, какая ласковая стала!» — подумал Жоржик.

— Ну, отстань, я к козлу пойду.

Козёл стоял в тёмном сарае, блестел глазами, скрипел зубами и сердито топал ногой. Когда Жоржик открыл дверь, козёл замотал бородой и фыркнул:

— Фу… Жду-жду! Никто не идёт… Привязали за

рога… Фу! Темно, мухи кусают… И я так, я и этак, ногами прыг, хвостом дрыг, а они всё кусают… Запутался. Фу! Даже почесаться не могу.

Жоржик осторожно подошёл ближе.

— Я распутаю! Ты меня не цапнешь? Нет?

— Мэ-кэ-кэ! — попросил козёл. — Распутай! Не цапну!

Жоржик распутал верёвку, погладил козла и спросил:

— Скажите, козёл, отчего вы такой грязный?

— Мэк! Грязный! Какие глупости! Старому козлу говорить такие вещи… Мэк! Грязный! Я тебе покажу грязный…

— Я не нарочно, я не нарочно! — закричал Жоржик, быстро выскочил из сарая и закрыл дверь на крючок.

— Эй, козёл-стрекозёл! — крикнул Жоржик в щёлочку. — Дворницкая шуба! Вот скажу Даше, она тебя миндальным мылом вымоет… Будешь знать!

Козёл рассердился. Разбежался, да как тарарахнет в дверь — бац! А Жоржику смешно: крючок крепкий, не соскочит.

— Кхи-кхи! — запищала вдруг крыса за дверью. — Зачем же мылом козла мыть? Мыло — закуска. Я вчера у Дашиного мыла всю корочку

объела…

— Ага! Хорошо! — шепнул Жоржик. — Я скажу Даше, она вам всем задаст…

Он пошёл на кухню, но Даши на кухне не было. «Пойду в спальню, — подумал Жоржик. — Там мухи».

В спальне было тихо. На кроватке Жоржика лежала его маленькая сестричка Вава, быстро перебирала ручками и ножками и что-то скоро-скоро говорила. Жоржик нагнулся к Ваве и стал слушать.

— Мня-вля-гля, пля-мня-для, мня-гля-кля…

— Ничего не поймёшь… — вздохнул Жоржик и подошёл к окошку. — Мухи, верно, тоже так мнякают. О чём им говорить? Жужжат себе и толкаются головой в стекло.

Но мухи разговаривали:

— Зы-зы-зы… Здесь нельзя и здесь нельзя… Заперли-заперли-заперли…

— Что ты здесь делаешь, Жоржик? — спросила мама Жоржика, заглядывая в спальню.

— Я, мамочка, слушаю, как мухи разговаривают.

— Как же они разговаривают?

— А вот иди сюда. Закрой глаза и дай ушко…

— Зачем? — засмеялась мама. — Ты мне туда

ещё козявку положишь?

— Да нет! — сказал Жоржик. — Не козявку. Нельзя сказать, секрет. Готово! Слышишь, что мухи говорят?

— Слышу.

— Что же они говорят?

— Говорят, что Жоржику пора обедать.

— Обедать? — спросил Жоржик. — Ну, хорошо — пойдём.

— Только их надо выпустить… Пошли! — сказал он и раскрыл окно. — Теперь давай опять ушко, — сказал он маме. — Готово!

За столом Жоржик смеялся и болтал ногами. Никто не знал почему, а он знал: кошка всё время тёрлась под столом о его ножки и мурлыкала:

— Мур! Жоржик, брось Амишке кочерыжку, а мне косточку…

А Амишка на неё из-под стола:

— Р-р-р… Тебе кочерыжку! Ж-жадина!

После обеда Жоржик побежал в сад посмотреть, где его петух. Петуха нигде не было: ни в саду, ни возле кухни, ни под сараем, ни в чуланчике. «Куда он спрятался?» — подумал Жоржик.

Обошёл Жоржик сад и слышит, что за забором кто-то быстро-быстро кудахчет:

— Куда-куда-куда! Чужой петух!!

Жоржик встал на скамейку и посмотрел: соседский рыжий петух задрал голову и бежал прямо к мусорной куче, а три Дашины курицы бегали кругом кучи, хлопали крыльями и кричали:

— Ах, куда, куда! Красный разбойник! Ах, куда, куда!

— Да где же наш петух? — спросил Жоржик. — Вот беда, вот беда!

— Кара-у-ул! — закричал вдруг из-за сарая белый Жоржин петух и, широко расставляя лапы, бросился к рыжему.

— Как ты смел! Как ты смел! — наскочил он и схватил рыжего за чуб.

Рыжий вырвался, подскочил и ударил белого лапой в грудку:

— Так и смел! Так и смел!

— Как ты смел! Как ты смел! — опять налетел белый.

— Так его, так его, так его! — закудахтали в восторге курицы, а петухи взлетели на воздух, перевернулись через голову и кубарем полетели на землю.

Жоржику стало страшно.

— Кыш! Перестаньте… Кыш!.. Вот я вас! — Он бросил в петухов палочку и ударил в ладошки.

Рыжий петух вскочил, встряхнулся, побежал

домой и сердито обернулся на Жоржика:

— Тоже… Ко-ко-ко… Не даст подраться…

А белый петух взобрался на самый верх кучи, захлопал крыльями и закричал ему вдогонку:

— Кум удра-ал!

— Конечно, конечно, — сказала самая толстая курица.

Жоржик вывернул кармашек, бросил своему петуху крошки, которые завалялись в кармашке, потом соскочил со скамейки, запрыгал на одной ноге к беседке и весело запел: «Рыжий с белым разодрался, белый рыженького вздул!»

В беседке Жоржик лёг на стол и стал смотреть, как качаются веточки. Прилетали пчёлы, танцевали над головой и пели: «Зум-зум, где цветочки?»

Прилетал знакомый коричневый жук и жужжал: «Жоржик лежит, Жоржик лежит…»

Зелёненький червячок пополз по руке, а когда дополз по плечу до уха, Жоржик услыхал, как червячок чуть слышно зашипел: «Сейчас шлёпнусь…» Испугался, верно, что так высоко залез.

Когда Жоржик вышел из беседки, солнце висело над самыми ёлками и было похоже на тот таз, в котором Даша варенье варит. Только чуточку покрасней. Глазки у Жоржика были совсем-совсем

сонные. С пруда кричали лягушки: «Краковяк-краковяк-краковяк…»

«Что это за краковяк? — подумал Жоржик и вдруг вспомнил: — Это танец такой… Как же лягушки на четырёх лапках танцуют? Верно, становятся на задние лапки, как Амишка…»

У балкона его встретила мама.

— Ты где был?

— В беседке.

— Что ты там делал?

— Слушал, как пчёлки разговаривают.

Мама улыбнулась и принесла Жоржику молока. Молоко было вкусное и пахло, как горячая ватрушка. Опять прибежала кошка, заходила у ног и запела:

— Жоржик-коржик, дай — мяу — молочка!

— Не дам за то, что дразнишься, — сказал Жоржик и пошёл спать.

Мама его раздела и ушла. Жоржик долго не хотел закрывать глаза. Он всё хотел дождаться старушки в синей кацавейке и хорошенько попросить её… Пусть бы оставила красный камешек ещё хоть на день. Камешек положил под подушку.

Но в комнате было тепло и тихо, а сверчок где-то близко у кроватки проснулся и запел: «Цир

— закрой глазки, цир — закрой глазки, цир — закрой глазки».

Жоржик закрыл.

Утром, только проснулся, сейчас же руку под подушку — камешка нет. А вместо камешка лежит книжка: звери в ней разные, птицы, букашки и разные жучки. Всё есть. И про всех написано, как кто живёт, что ест, как кто поёт, как жужжит, как мяучит. Всех спрашивал Жоржик — и маму, и Дашу, и даже Амишку, да никто не знал, кто книжку принёс.

Должно быть, старушка — кому же больше?

‹1912›

Нолли и Пшик

Кукла Нолли и паяц Пшик сидят на подоконнике и скучают. Девочка Катя, у которой они жили, обещала взять их сегодня гулять и не взяла — ушла с няней. Почему не взяла? Рассердилась. Схватила вчера Пшика за голову и окунула его в свою ванночку. Няня закричала, Катя заплакала, а Пшик со страху всю краску из себя выпустил и тонуть стал. Из ванночки такой кисель вышел, что няня должна была другую наливать. Разве он виноват? Паяц не рыба. Потом Катя выкупалась, стала одеваться и села нечаянно на Нолли. Пру-

жинка в Ноллином животе сказала: «Пик!» — и испортилась. Как Катя ни извинялась, как ни умоляла, как ни целовала Нолли: «Скажи: ма-ма, скажи хоть один последний раз, только скажи — ма!» — Нолли ни звука. Как без пружинки скажешь? Вот за это Катя и не взяла их с собой гулять.

* * *

Сидят Нолли с Пшиком на подоконнике, молчат и не двигаются, потому что кошка Мурка всё по комнате вертится. Заговори только при ней — всему дому станет известно. За окнами пушинки летают, солнышко светит, девочки с куклами в сад идут. Ужас, как гулять хочется! Наконец кошка Мурка ушла — слава тебе Господи! Нолли вздохнула, а Пшик хлопнул себя по лбу, прошёлся на руках по подоконнику и сказал:

— Нолли! Я что-то придумал!

— Воображаю!

— Придумал, придумал! Катин папа сейчас пойдёт на службу.

— Ну, так что?

— Мы побежим по коридору в переднюю…

— А потом?

— Влезем на стул!..

— А потом?

— Со стула, со стула, со стула — в карман Катиного папы пальто. Понимаешь?

— И пойдём гулять?! Пшик, ты золото, дай я тебя поцелую!

— После, после! — закричал Пшик. — Надо спешить, а то он уйдёт. «Раз-два-три!»

Пшик схватил Нолли на руки, раскачался, крикнул «алле-гоп!» и прыгнул через кроватку на пол.

— Пшик, — спросила Нолли, — а вдруг Катин папа положит руку в карман?

— Не положит! В одной руке у него палка, в другой портфельская кожа, а в третьей…

— Третьей нет, Пшик, не болтай глупостей… Тш… В коридоре никого нет. Бежим!

Пшик и Нолли побежали на цыпочках по коридору так тихо, как мухи бегают по потолку. У дверей перелезли через сонную Мурку и мигом очутились на вешалке.

— В какой карман лезть, в правый или в левый? — спросила Нолли.

— Полезай в левый, правый — дырявый!

Не успели они ещё хорошенько усесться, как в передней раздалось: «рип-рип-рип!» Катин папа подошёл к вешалке, снял пальто, встряхнул его

так, что пассажиры в кармане стукнулись лбами, надел и вышел на улицу.

* * *

На улице Катин папа крикнул, как пушка: «Извозчик!» Пшик выглянул из кармана:

— Нолли! Мы поедем на извозчике! Подъезжает, подъезжает… Серая лошадь, совсем как Катина, только без подставочки.

— Цыц! — сказала Нолли и потащила Пшика за ногу в карман. — Цыц, мурзилка, а то он услышит!

Загремели колёса. Катин папа сказал: «Сорок». Потом испугался и поправился: «Тридцать пять». Поехали.

— Подвинься, чучелка, — запищала Нолли, — я тоже хочу выглядывать!

Пшик подвинулся и пробормотал: «Ой, сколько домов! Огро-о-мные! Белый дом, серый дом, жёлтый дом, коричневый дом, деревянный дом!»

— Смотри, смотри, Пшикочка! — завизжала Нолли. — Вагон без лошади! Красненький! Ай-яй, смотри, сзади тоже никто не толкает! Бу-у-у-у! Что это, это, это, Пшик?

— Это трамвай.

— Как же он бежит?

— Кондуктор толкает его с одного конца города, и он бежит до другого. Ловко, а?

— Пшик! — сказала Нолли, глотая последнюю шоколадную крошку, которую она нашла в кармане. — Пшик, довольно уже ехать. Давай спрыгнем…

— Давай! — Пшик осмотрелся кругом, схватил Нолли в охапку, вылез из кармана и, как блоха, прыгнул прямо на фонарь. Под фонарём в это время проходила дама и вела на шнурочке маленькую собачку, похожую на мохнатого червячка. Собачка остановилась, потянула носом, упёрлась передними лапками в землю, а задними стала загребать: левой-правой, левой-правой! Да вдруг как залает на фонарь:

— Тяф-тяф-тяф! О, зачем я на верёвочке! Тяф-тяф-тяф! Я бы перегрызла фонарный столб! Р-рр-тяф-тяф-тяф! Эти фонарные обезьяны полетели бы вниз, а я их в клочки, я их на клочки, я их вдребезги!!! Пусти! — завизжала она, но дама потащила собачку дальше, и она поехала на четырёх лапках, как на коньках.

Нолли и Пшик хохотали как сумасшедшие:

— Собачья морда! Ага, привязали, привязали! Ну-ка, достань! Тяп-тяп-тяп! Подумаешь, как страшно… Сама обезьяна, сама собака, сама злю-

ка-гадюка несчастная!

— Пшик, — сказала Нолли, — давай слезем и дёрнем её за хвост!

— Она тебя дёрнет! Она тебе так дёрнет, что все тряпки из живота вылезут!

— Фуй, Пшик, какие ты гадости говоришь…

Помолчали минуточку. Пшик стал считать окна, а Нолли задумалась. Дождик стал накрапывать. Внизу люди зонтики раскрыли. Страшно.

— Пшик, Пшик, Пшик! — захныкала Нолли. — Поедем куда-нибудь?

— Куда?

— Ты мальчик, ты и выдумывай. Хорошее гулянье — сидеть на фонаре? Разве мы птичкины дети? Придёт фонарщик зажигать освещение, увидит нас, — что он с нами сде-ла-е-ет!

— Стой! Не хнычь, я уже придумал! Ты умеешь читать?

— Нет!

— Ну ещё бы! — Пшик фыркнул и почесал ногой за ухом. — Эх ты, пустая фарфоровая голова с локонами!

— А у вас что в голове?

— Не твоё дело. Видишь вывеску напротив — под вывеской окно: тряпки красные, тряпки зелёные, тряпки серо-буро-шоколадные…

— Вижу!

— Ну вот. Читай за мной: кра-силь-но-е за-ве-де-ни-е. Поняла?

— Нет.

— Мы слезем с фонаря — перебежим через улицу и… в форточку! Вот она открыта. Ейн-цвай-драй! Понимаешь?

— Пшик! — закричала Нолли. — Пшик, ты хочешь покраситься?

— Да, Нолли, я хочу покраситься. Я буду опять красный, как… красная краска! Вот! Чтобы ещё все паяцы на свете покраснели от зависти! Вот!

— Идём! — сказала Нолли.

* * *

Они слезли, перебежали через улицу и полезли в форточку. Никто не заметил. Только голодный воробей слетел с вывески, когда Пшик уже перекинул вторую ногу через форточку, и дал ему подзатыльник, — но ведь это почти не больно.

Пшик и Нолли спустились по занавеске на подоконник и заглянули в комнату.

— Цыц! Никого нет. Может быть, в зелёненькую покраситься?

— В красненькую! — сказала Нолли и задрожала от радости.

— Половину в красненькую, половину в жёлтенькую, как было раньше.

— Пшик, я тоже хочу краситься.

— Тебе нельзя, ты кукла.

— Так что же, что кукла? Я на этом противном фонаре всё платье измазала. Было беленькое, а теперь как Катины подмётки.

— Цыц, не хнычь! Согласен. Только прежде я. Стой тут, и если кто-нибудь войдёт, скажи — «ма-ма».

После этого Пшик крикнул «алле-гоп», прыгнул на стол, лёг на бок и опустил в банку с красной краской правый бок, руку и ногу.

Краска была тёпленькая, и Пшик от удовольствия закрыл глазки.

— Пшик, — запищала Нолли, — Пшикочка, отчего так долго?

— Сейчас! — закричал Пшик и схватился рукой за банку, но поскользнулся, упал в краску и вылез оттуда красный, как сырая говядина. Красные волосы, красные глаза, красные уши… Красавец! А краска на стол с него так и бежит: целое озеро.

Нолли сначала испугалась, да как захохочет! В комнате над входной дверью зазвенел колокольчик. Один большой человек вошёл, другой крикнул: «Сейчас!» — и прибежал в комнату.

Прямо несчастье!

Нолли в форточку, Пшик за ней. Схватил её руками за платье и кричит:

— Боже мой, подожди!

Нолли вырывается:

— Ступай прочь! Не смей меня пачкать!

Наконец не удержалась и полетела с форточки кувырком в дождевую кадку, которая стояла возле окна.

* * *

Вылезли. Сели за кадочку и плачут, и плачут: воды в себя много набрали, плачь сколько хочешь.

— Нолли! — сказал Пшик, размазывая красные слёзы по лицу. — Вернёмся!

— Куда?

— К Кате!

— Я не знаю дороги…

— Ай, Пшик, держи меня!

— Что с тобой?

— Меня кто-то тащит!

— И меня тащит!!!

— Ай…

Чья-то огромная чёрная рука вытащила Нолли и Пшика из-за кадочки и посадила их на ладонь.

— Трубочист!!! — шепнула Нолли.

— Боюсь!!! — шепнул Пшик.

— Вот так выудил! — сказал трубочист. — Ну-с, очень приятно познакомиться, пожалуйте в залу! — с этими словами трубочист положил Нолли и Пшика в свою сумку и пошёл своей дорогой дальше. От испуга Нолли и Пшик молчали целых пять минут.

— Пропала моя красочка! — жалобно пищал Пшик.

— Ты мальчик, тебе ничего… На кого я теперь буду похожа? На негритянскую но-здрю-у!

— Не реви. Нолличка, я тебя яичным мылом отмою…

— У-у-у! Что это так трещит?

— Это крыша, — сказал Пшик и незаметно выпал из кармана.

— А я? А я? — закричала испуганно Нолли и выскочила вслед за Пшиком. Трубочист не заметил.

— Мур-мур-мурау! — сказал кто-то рядом.

— Ой! Пшик, смотри, это наша Мурка! Наша Мурка! Здравствуйте, Мурочка!

— Мур-мар-мелау… Здравствуйте! Как вы сюда попали? А?

Нолли и Пшик упали на коленки и протянули к Мурке руки:

— Извините нас! Мы удрали гулять! Мы больше никогда не будем! Отведите нас домой, вы кошка, вы знаете дорогу по всем крышам…

— Ага, — сказала Мурка-кошка. — А дразнить меня больше не будете?

— Не будем!

— Отдадите завтра свои сливки и пирожок, когда Катя посадит вас обедать?

— Отдадим, — печально сказали Нолли и Пшик.

— То-то. Ну ладно. На этот раз прощается. Садитесь на меня верхом и держитесь крепко.

С крыши на крышу, со стеночки на стеночку (как страшно было!) добрались до своего чёрного хода.

Спрыгнули Нолли и Пшик, да за дверь — даже поблагодарить Мурку от радости забыли, — и по коридору, топ-топ, тихонько, как мыши, пробежали в Катину комнатку. Катя уже спала: надутая такая. Мигом вскочили на подоконник, сели, как утром сидели, закрыли глазки и ни гу-гу.

Утром Катя проснулась и всё выспрашивала:

— Отчего такие замурзанные? Где вчера были? Под кроваткой искала, в чулане искала, в рояле искала — нигде нет! Где были?

Но Нолли и Пшик как воды в рот набрали,

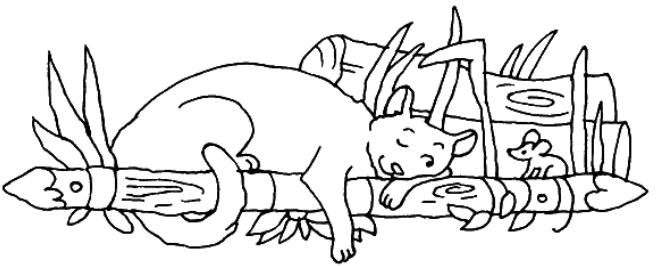
молчат и друг другу подмигивают: «Наше, мол, дело!»

‹1912›

‹1929›

Садитесь на меня верхом и держитесь крепко

Домик в саду



В саду было пусто. Только на полянке, за ёлками на весь сад весело стучал топор. Стучал да стучал.

На стук топора из белого дома приплелась кошка Маргаритка. Села на кучу прошлогодних листьев и видит: стоит среди поляны рыжий плотник Данила и тешет брёвна. Обошла кошка вокруг Данилы, обнюхала пахучую жёлтую щепку, которая, как сумасшедшая, прыгнула к ней прямо на нос из-под топора, и давай мяукать.

— Мяу-мур, — мур и мяу, — я знаю, что это будет.

— А что, госпожа кошка? — вежливо спросил

скворец с берёзы и нагнул вниз голову со своей жёрдочки.

— Мняу! Вам очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли, в том белом доме живут две девочки…

— Розовая и белая?

— Мяу, да, и у них есть папа, такой огромный папа, в два раза больше самой огромной собаки. Да. Так вот этот папа вчера заказал плотнику Даниле для своих детей дом…

— Чики-вики, скворечник.

— По-вашему — скворечник, по-нашему — дом…

И вот — хлоп, где-то щёлкнула дверь, и с крыльца белого дома понеслись вперегонку к полянке две девочки: одна розовая, поменьше, круглая, как колобок, — Тася; другая в белом, длинненькая и худая, как жёрдочка, — Лиля.

Прибежали и давай прыгать вокруг Данилы:

— Данила, Данилушка, миленький, самый миленький, когда же дом будет готов?

— Через месяц.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьёзно вас спрашиваем…

— Ну, через неделю.

Тася и Лиля посмотрели друг на друга, вздохнули — вот тебе раз!

— Сегодня будет готово к обеду, — сказал Данила, улыбаясь в рыжую бороду. — А что мне за это будет?

— Всё, всё, всё! Всё, что хотите!

— Ладно. Всё так всё.

Гуп! Гуп! — и топор опять заходил по бревну.

Распилил Данила бревно на четыре куска, заострил концы, словно карандаши очинил, и вбил в землю.

— Ловко, — сказала кошка, — это он будет пол настилать.

А из белого дома приковылял ещё один человечек: кухаркин сынок, Василий Иванович, весом с курицу, двух лет, с хвостиком, румяный, как помидор. Пришёл, палец в рот, вытаращил глазки, пустил слюну и смотрит.

— Васенька, иди-ка, червячок, сюда, посмотри, — позвала Лиля и посадила рядом с собой на бревно.

Сидят, как галки, все четверо: Лиля, Тася, кошка и Василий Иванович и смотрят.

Хорошо!

А Данила старается. Знает он, каково ждать, когда дом строится! Притащил из сарая доски,

собрал быстро стенки, — хитрый был, молчал, а всё у него было заготовлено, — вставил раму, приложил так, чтобы окно к речке выходило, чтобы всё можно было видеть: и лодки, и уток, и купальную пёструю будку…

— Мур-мяу! — сказала кошка и ткнула Лилю головой. — Окно со стеклом, как же я буду через окно лазить?! Это он, верно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула…

...Понеслись вперегонку к полянке две девоч-

ки…

— Да не приставай ты, чучелка. — Лиля не понимала кошкина языка, да и некогда было с ней возиться.

— Данила, Данила, — запищала Тася, — а Данила? Уже можно жить?

— По-го-ди… Какая смешная девочка! — заскрипела скворчиха над головой у Таси. — Как же можно жить без крыши и без дверцы? Ага, вот и дверцы! Какие большие и совсем не круглые! Ничего он не понимает, этот Данила…

Кошка посмотрела одним глазом на скворчиху и лениво зевнула:

— Мняу… Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше в свой ящик спать! Сама ты ничего не понимаешь, а ещё рассуждаешь, тоже…

Скворчиха сделала вид, что не слышит, — стоит ли со всякой кошкой связываться!

— С новосельем! — сказал Данила, взял топор под мышку, набил трубку, закурил и ушёл.

— Ай да домик! Настоящая крыша, настоящие дверцы, настоящее окно… А внутри как хорошо, прямо запищишь от удовольствия, по бокам лавочки, как в вагоне. Под окном столик на крючках, смолой пахнет, чистенький такой, словно его кошка языком облизала.

Стёкла в окошке переливаются, а за окном, как на ладошке, вся голубая река: утки плывут и кланяются, верба на берегу зелёными лентами машет, жёлтый катерок пробежал, фыркая, как мокрая собака. Хорошо!

Посмотрела Лиля на Тасю, Тася на Лилю, Василий Иванович на кошку и кошка на всех, — вдруг что-то все вспомнили и сразу затормошились.

А мебель? А картинки? А занавески? А кухня? А посуда?

— Ах ты, боже мой, какие мы свистульки!

Подхватили девочки Василия Ивановича — одна справа, другая слева — под мышки, как самовар, и понесли к дому. Кошка осталась.

Ходит да нюхает всё: новый домик, надо же привыкнуть. Смотрят с берёзы скворец и скворчиха и удивляются — никогда ещё в саду они такого чуда не видали. Впереди шагает Василий Иванович, пыхтит и волочит по земле красный коврик, за ним вприпрыжку Тася с целым кукольным семейством на руках, за ней Лиля с жестяной кухней, с резной полочкой, с самоваром, за ними мама с занавеской и с посудой (такая большая, а с девочками играет!), за ней папа, широкий, как купальная будка, идёт, очками на солнце блестит, а в руке молоток и картинки, за ними кухарка

с морковками, а в самом хвосте чёрная собака Арапка — ничего не несёт, идёт, язык высунула и тяжело дышит…

— Чики-вики, — запищала скворчиха, — идём скорей в скворечник, у меня даже голова закружилась…

Пошла работа! Разостлали в домике коврик, углы утыкали зелёной вербой, прибили картинку — «мальчика-с-пальчика», приколотили полочку, расставили посуду, накололи занавеску — и готово.

Папа с кухаркой Агашей были оба толстые и никак не могли пролезть в дверь, как ни старались. Поздравили девочек со двора с новосельем и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было с ними жить, всё расставила, всё прибрала, вытерла Василию Ивановичу нос, сняла с волос малиновую ленту и повязала её кошке, ради новоселья, вокруг шеи и только собралась с ними стряпать, как её позвали в белый дом… Ушла, как её ни просили остаться.

— Нельзя, — говорит, — червячки. У вас свой дом, у меня свой, — как же дом без хозяйки останется? До свиданья!

Так и ушла.

— А кто же у нас будет хозяйкой? — спросила

Тася.

— Я, — сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василий Иванович?

— Наш сын.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняу! Скажите пожалуйста! — обиделась кошка. — Почему судомойка?

— Потому что тарелки лижешь, — захрипела старая Арапка, хлопая, как деревяшкой, хвостом по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться. — Тася топнула башмачком, взяла ведёрко и пошла к реке за водою.

Возле дома на траву поставили кухню, собрали щепок, растопили плиту, перемыли в ведёрке морковку, нарезали и поставили вариться, а сами опять в дом.

Только уселись и затворили дверцы — слышат из белого дома кто-то спешит, задыхается.

— Молчать, сидеть тихо! — скомандовала Лиля.

Тася посмотрела в щёлку и уткнулась губами в

Василия Ивановича: смешно, хоть на пол садись, а рассмеяться нельзя.

А за дверцами стоял важный человек: брат Витя, — приготовишка, в длинных штанишках, — с девочками играть не любил, — стоял и смотрел.

— Отворить? — шепнула Тася.

— Пусть просит.

— Эй, вы! — раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить? — опять шепнула Тася.

— Слушай, — Лиля подбежала к двери и взялась за крючок, — мы тебя пустим жить, только, только…

— Что только?

— Что ты нам принесёшь в дом?

— Жареного таракана.

— Кушай сам! Нет, — ты всерьёз скажи…

— А вот, а вот… я вам… выкрашу крышу!

Трах! Крючок слетел, и дверь чуть сама не спрыгнула с петель, дом так и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу!

— В зелёную краску?!

— Могу и в зелёную.

Витя был большой мастер. Через полчаса кры-

ша была зелёная, как лягушка, и Витины руки были зелёные, и кошкин хвост был зелёный (зачем суётся?), и даже на Тасин башмак капнула зелёная краска.

Вода в кастрюльке закипела. Вытащили морковку, разрезали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всем — и Василию Ивановичу, и Арапке, и кошке.

А когда пообедали, опять заперли дверь на крючок, тесно-тесно уселись на лавочке и давай петь:

Наш дом! Наш дом!
С окном!
С крыльцом!
Наш дом! Наш дом!
С потолком!
С крючком!..

Замечательная песня.

Целый день не вылезали из домика, и когда позвали их обедать в большой дом, так и не пошли, заставили всё принести к себе в домик.

Так и просидели до вечера. Ночевать в домике им не позволили, да и холодно, — пришлось идти всей компанией в белый дом, в свою детскую. Ах,

как не хотелось!

Ушли. Луна вылезла из-за речки. В домике стало пусто и тихо. Совсем тихо. Кошка проводила детей и вернулась.

Обошла домик кругом, — дверь на задвижке. Какая досада!

Там за лавочку во время обеда завалился кусочек котлеты, завтра прозеваешь — Арапка съест. Она на это мастерица!

Сидит кошка, зевает: идти в сарай на стружки спать или здесь перед дверью клубком свернуться?

И вдруг прислушалась — шуршит что-то в домике, шуршит да шуршит. Забежала с другой стороны, ухватилась когтями за окно, смотрит: сидит на столике за стеклом мышь и ест кошкину котлету, лапками так и перебирает.

— Ах ты, разбойница!

Рассердилась кошка, даже зубами заскрипела. А мышь увидела её, смеётся, хвостиком машет, дразнит, — за стеклом не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидела, подумала и пошла к дверям.

— Тут и лягу… Утром Лиля и Тася двери откроют — покажу я тебе, как чужие котлеты есть!..

Не знала она, глупая, что в углу, когда плотник

Данила пол сбивал, один сучок из доски выскочил: много ли мышке надо, чтобы уйти?…

‹1917›

‹1918›

Невероятная история

Знаете ли вы, что такое «приготовишка»? Когда-то до войны так называли в России мальчуганов, обучавшихся в гимназиях в приготовительном классе.

Мужчина этак лет восьми, румяный, с весёлыми торчащими ушами. В гимназию шагал он не прямо по тротуару, как все люди, а как-то зигзагами, словно норвежский конькобежец. За спиной висел чудовищный ранец из волосатой и пегой коровьей шкуры. В ранце тарахтели пенал, горсть грецких орехов, литой чёрный мяч, ариф-

метика и Закон Божий. В руке — надкусанное яблоко. Полы светло-мышиной шинели, подбитые стёганой ватой, отворачивались на ходу, как свиные уши. Шапка тёмно-синяя, с белыми кантами, заломлена по бокам пирожком, а герб в подражание второклассникам согнут в трубочку: не как-нибудь! На ногах — броненосцы: огромные резиновые ботики, на которые лаяли все встречные собаки.

Вот, собственно говоря, что такое «приготовишка».

Учёности его я касаться не буду, потому что сам затруднился бы вам теперь ответить, «что делает предмет», какая разница между множимым и множителем и как назывались несимпатичные братья Иосифа, продавшие его в Египет.

* * *

В Москве на Сивцевом Вражке жил у пухленькой баловницы-тётки один такой приготовишка, Васенька Горбачёв. И была у него мечта. Не какая-нибудь вычитанная из «Тысячи и одной ночи» мечта, а самая простая и доступная. Васенька видал как-то в цирке у Дурова дрессированного зайца, который зубами, по желанию публики, вытаскивал карту любой части света, катался на

маленьком заячьем велосипеде и, скосив глаза вбок, отдавал честь старой легавой собаке.

Штуки не бог весть какие… Мальчик решил скопить денег, купить простого деревенского зайца и обучить его тайком в ванной комнате совсем другой вещи: четырём арифметическим действиям и таблице умножения.

Счёт, раз заяц говорить не умеет, можно ведь отбивать лапкой…

Вот будет сюрприз! Во всех газетах появится Васин портрет с зайцем, директор гимназии объявит ему перед всем классом благодарность и напишет тёте письмо, что племянник её, Василий Горбачёв, затмит когда-нибудь самого Ломоносова.

От каждого завтрака, — а давала ему тётка каждое утро гривенник, — экономил он по три копейки и, когда накопил рубль медью, обменял его в мелочной лавочке на серебряный. Зажал рубль в ладонь и в первый же свободный день пошёл в ботиках, весело насвистывая, на Трубную площадь, где продавали в клетках и прямо с рук всякое зверьё и птицу.

* * *

Чудесно было на Трубной площади! Небо синенькое, весеннее, под галошами вкусно чмокала, налитая водой, слякоть, у обочины тротуара искрился и лопотал ручей, словно он не по людной Москве бежал, а по деревенской околице. На окне в портерной — бутылки играли на солнце ярче аптечных шаров. А народу на площади — муравейник. И всё можно достать, чего пожелаешь: конопляное семя, кормушки для птиц, муравьиные яйца в пакетиках — фунтиками.

В ивовых клетках копошилась живая тварь: дымчато-голубые горлинки, выпятив грудку, ворковали под столами и нежно друг дружку подталкивали клювами, надувались толстые чёрные куры-испанки в лохматых штаниках, нарядный карликовый петушок со своей белой курочкой, словно игрушечные, смотрели на толпу стеклянными глазками. Иволги, сойки, чижи… Белка свернулась в рыжий пушок и спит, — надоело ей вдоль клетки прыгать… Мопсы, маленькие, совсем ещё дети, высовывали розовые носы из-за пазухи оборванца… Но зайца — не было. Нигде не было!

Три раза обошёл Васенька площадь, во все лари

заглядывал, под все столы: нет зайца.

— Чего покупаете, купец? — хрипло спросил вдруг у приготовишки опухший босяк и зорко посмотрел на серебряный рубль, торчавший из Васиного кулака.

— Зайца…

— Шкурку, что ли?

— Какую шкурку! — Мальчик обиделся. — Живого зайца, как вы не понимаете. Да вот нету. Продали, что ли, всех…

Босяк задумался.

ЦИРКОВО
ЗАЯЦ
И ПУДЕЛИ
19
ПРЕД
БИЛЕТ
В КАССЕ

Мальчик решил скопить денег, купить деревенского зайца и обучить его совсем другой вещи…

— Много ли дашь? Я достану.

— А что он стоит? — Васенька и сам не знал, как живых зайцев расценивают: на вес, что ли, или в длину по вершкам.

— Рупь. — Босяк снова покосился на Васин рубль, перевёл глаза на пивную лавку и сплюнул.

— Девяносто пять копеек? — робко спросил Васенька.

Он знал, что надо торговаться. Да на пятак внизу у них в мелочной сразу можно бы зайцу свежей капусты купить.

— Рупь, — хрипло повторил опухший субъект. — Через полчаса приходи сюда, видишь, вон где сбитенщик стоит. Будет тебе заяц.

— Живой?!

— Дохлыми не торгуем.

Васенька радостно щёлкнул языком и побежал, чтоб убить время, к знакомой табачной лавке через улицу. Там в окне давно уже он заприметил серию марок мыса Доброй Надежды. Надо спросить о цене и выменять на двойники.

Целых полчаса! И куда это босяк за зайцем отправился? Нырнул в подворотню, фить — и

исчез.

* * *

Не прошло и получаса, — Васенька уже давно на Трубной площади топтался около указанного места. От нетерпения даже минутную стрелку на своих чёрных часиках на пять минут вперёд перевёл.

Наконец, видит, идёт босяк, а под мышкой у него какое-то серое чудовище лапами дёргает.

Заяц!..

Босяк нос об зайца вытер, дух перевёл и заторопил:

— На! Давай рубль! Еле раздобыл… Тащи, тащи живей, чего глаза расстегнул? Под зад поддерживай, башку под локоть зажми, а то даст стрекача — пропал твой рупь ни за копейку…

Сказал, заржал на ходу, картуз козырьком назад передвинул и скрылся, — только дверь в пивной хлопнула.

Понёс мальчик своего драгоценного зайца домой, хоть и не легко нести, сам так весь улыбкой и расцвёл. На трамвай денег нет, да и не пустят с зайцем.

— Сиди смирно! Ишь тяжёлый какой, словно утюгов наелся.

А заяц не унимается, лапами, как пожарный насос работает, так и рвётся прочь из-под мышки, точно его казанским мылом намылили.

И вдруг…

* * *

Тётя Варя в ужас пришла. Приплёлся её любимый Васенька домой, плачет — рыдает захлёбывается, по всей мордашке слёзы рукавом размазаны, а в руках дрянная заячья шкурка.

— Что с тобой, Василёк?! Кто тебя обидел?! Что за шкурка такая?…

— Мо-шен-ник меня обмо-шен-ни-чал! Я у него на Трубной зай-ца купил… Ду-мал тебе сюрприз устроить, обучить зайца таб-ли-це умножения. А босяк, тётечка, взял рубль…

— Ну?!

— Сунул мне зайца… Я несу, а он барахтается. И вдруг… он шкурку свою рас-по-рол… и из шкурки живая кошка вылезла… и убежала!

— Как кошка?!

— Ну, как ты не понимаешь! Босяк кошку во дворе сцапал, наскоро в заячью шкурку зашил… и мне продал… Народ кругом хохочет! Я сначала испугался, потом растерялся, а потом плакать стал… Досадно ведь, тётечка! Что я теперь делать

буду?!

— Не плачь, Василёк…

Тётка племянника по стриженой головке гладит, а самой и жалко его, и смешно.

— Не плачь! Я с тобой сама пойду, настоящего живого зайца купим. Обучим его хоть геометрии, ты у меня мальчик учёный, авось выучишь. А плакать не надо. Что это в самом деле? Мужчина — и плачет.

— Купишь, тётя?! В самом деле?… Побожись, что купишь!

— Божиться грешно… Тётке и так верить надо. А вот ты поди умойся, ишь целое озеро по лицу размазал. Да приходи чай пить с малиновым вареньем. Хорошо?

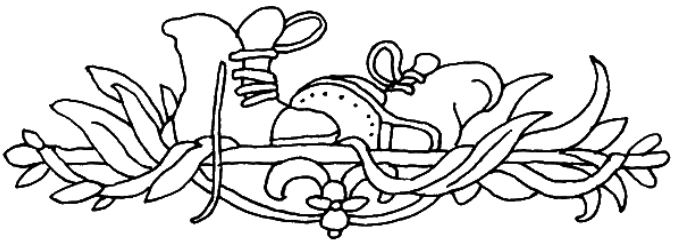
Побежал Васенька по коридору, ногами взбрыкивает, куда и горе девалось.

А тётка за спицы свои взялась: Васеньке чулки надвязывать. Вяжет и ворчит:

— Вот, прости господи, какие мошенники окаянные по Москве пошли… Кошку в заячий мех среди бела дня зашивают, дитя обманывают. Тьфу!

‹1925›

Голубиные башмаки



Было это в Одессе, в далёкие дни моего детства.

Младший брат мой Володя, несмотря на свои шесть с половиной лет, был необычайно серьёзный мальчик.

По целым дням он всё что-то такое мастерил, изобретал, придумывал.

Пальцы у него были всегда липкие, курточка в бурых кляксах, от волос пахло нафталином, а в карманах от мелкой дроби до сломанного пробочника можно было найти такие вещи, какие ни у одного старьёвщика не разыщешь.

Даже искусственный глаз нашёл где-то на улице и никогда с ним не расставался: натирал его о штанишки и всё пробовал, какие предметы будут

к глазу притягиваться.

Изобретает — и всё, бывало, что-нибудь жуёт в это время: хлеб с повидлом, резинку либо копчёную колбасную верёвочку.

Кто знает, может быть, Эдисон тоже, когда был мальчиком и производил свои первые опыты, жевал жвачку, чтобы облегчить сложную работу своих мозгов.

К несчастью для себя, Володя изобретал всё такие вещи, которые до него давно уже были изобретены и всем надоели.

То делал из серы, зубного порошка и вазелина непромокаемый порох.

То приготовлял из ягод шелковичного дерева чернила: давил ягоды в чашке, встряхивал, переливал сок в пузырёк, перемазывал нос, обои и руки до самых локтей.

А потом приходила бабушка, шелковичные чернила выливала в раковину, щёлкала Володю медным напёрстком по голове и брюзжала: «Это не мальчик, а химический завод какой-то! Готовые чернила стоят в лавочке три копейки, а ты знаешь, сколько новые обои стоят?... Шма-

ровоз![1]»

Володя не обижался, к напёрстку он привык, а «шмаровоз» даже и не ругательство, а так, чепуха какая-то.

Уходил в кухню, выедал там из сырых вареников вишни и вырезал на пробках, приготовленных для укупорки кваса, печатные буквы. Точно книгопечатание не было и без него изобретено.

Особенно любил он совершенствовать разные ловушки.

То в мышеловку привязывал на проволоке сразу три приманки, чтоб по три мыши оптом ловить — для экономии.

Но проволочка зажимала защёлку, мыши приходили, наедались и до того полнели, что даже щель в углу под комодом пришлось им прогрызть пошире: не влезали.

То липкую бумагу для мух смазывал мёдом и до того густо посыпал сахарным песком, что мухи паслись-паслись, а потом безнаказанно выбирались через все липкие места по сахарным крупинкам на свободу и на всех зеркалах и стёклах клейкие следы оставляли.

---

[1] Примечания: 1

Шмаровоз — человек, развозивший дёготь (шмару). Шмара — так назывался дёготь на малороссийском наречии (преимущественно в южных и юго-западных регионах России). — *Прим*еч. ред.

А больше всего, помню, возился он с силками для голубей.

Обыкновенные силки дело не хитрое: мальчишки, перебегая через улицу, вырывали из лошадиных хвостов волосы, надо было только не попадаться на глаза ломовым — «биндюжникам», а то и собственных волос лишишься; потом они плели леску, делали петли — вправо и влево поочерёдно, прикрепляли силки к колышку и засыпали зерном… Голубь ходит, урчит, разгребает лапками зёрна, пока ножку в петле не завязит. Вот и вся штука.

Приготовлял из ягод шелковичного дерева чернила…

Но Володе этого было мало.

От каждой петли он ещё проводил с нашего дворика к своему окошку нитку.

И привязывал каждую нитку к колокольчику на гибкой камышинке над столом.

Чтобы, пока он у стола другим делом занят (мастерит сургуч из стеарина и бабушкиной пудры), каждый попавшийся голубь ему со двора сигнализацию подавал.

Конечно, и голуби, и соседний петух, и даже мелкие нахалы-воробьи всё зерно съедали, а колокольчики хоть и звонили, да впустую: все петли, благодаря Володиному усовершенствованию, вместо того чтобы стягиваться, только растягивались.

Так у нас немало провизии тогда зря пропадало — на мышей, да на мух, да на птичье угощение.

А если посчитать, сколько сам Володя во время своих опытов глотал: то повидло, то гусиных шкварок, то, право, можно было на эти деньги не то что голубя, живого страуса из Африки выписать.

* * *

Однажды утром, когда дед собрался в гавань в свой угольный склад по делам, Володя пристал, чтобы дед и его с собой взял.

Слыхал он от приказчика, что там, на угольном складе, тьма голубей: слетаются лошадиный корм клевать, пока телеги углём грузят.

Дед согласился: что ты поделаешь, когда упрямый мальчик по пятам за тобой ходит из спальни в столовую, из столовой в переднюю и всё клянчит…

Надел Володя новые жёлтые башмаки, захватил с собой силки и обещал к вечеру весь чердак голубями заселить.

А я остался дома, потому что, когда в первый раз сказки Андерсена читаешь, никакая гавань, никакие голуби на свете тебя не соблазнят.

Часа через три я очнулся: на кухне с треском хлопнула о пол тарелка, и кухарка с таким изумлением вскрикнула «ах ты, боже мой!», точно крыса в котёл с супом вскочила.

Прибежала бабушка и тоже ахнула: на пороге кухни стоял с носками в руке, широко расставив босые ноги, голубиный охотник…

Стоял перед бабушкой, как раскаявшийся бег-

лый каторжник, и тихо ревел, утирая носком неудержимо катившиеся по пухлым щекам слёзы.

— Где башмаки?!

— Жу… Жулик унёс…

— Какой жулик?! Кто посмеет в Одессе с живого мальчика башмаки снимать? Чучело ты несчастное!

— Я не чу-че-ло… Я сам… снял… За что ты меня мучаешь?

И стал реветь всё громче и громче. Так громко, что ни одного слова нельзя было разобрать.

Только пузыри изо рта выскакивали.

А потом, когда немного успокоился, вспомнил, что у него есть самолюбие, упёрся — и ни одного слова больше ни бабушка, ни кухарка из него не вытянули.

Тогда я увёл его в детскую, угостил финиками, которыми я в то утро чтение андерсеновских страниц подсахаривал, и упросил по дружбе рассказать, что такое случилось с ним в гавани.

Володя разжал второй кулак, положил в карман кусок канифоли, взял с меня слово, что я не буду над ним смеяться, и всё мне рассказал.

* * *

Голубей на угольном складе не оказалось.

Приказчик Миша объяснил Володе, что «биндюжники» только после обеда приедут, а пока все голуби в гавань улетели подбирать пшеницу, которую на заграничный пароход грузили.

Дедушка ушёл в свою контору.

Володя повертелся и решил, что такого случая упускать не следует: гавань в двух шагах, когда ещё сюда попадёшь?

Скользнул за ворота, прошёл под эстакадой, и действительно — голубей на набережной туча…

Прямо живая перина на камнях шевелилась!

Отошёл он в сторонку, выбрал среди груды ящиков укромное местечко и пристроил свои снасти. Засыпал их сплошь пшеницей, притаился за ящиком и застыл.

А голуби по краям пшеничной дорожки ходят, лениво лапками разгребают, никакого им дела до Володиной ловушки нет. Вся набережная в зёрнах, ешь не хочу…

Володя ждал-ждал… Грузчики стали на обед расходиться.

Совсем он разочаровался, хотел было и силки свои смотать. Видит, стоит в стороне симпатич-

ный босяк и на него смотрит.

Подошёл поближе, сел наземь, взрезал арбуз и ломтик Володе дал.

А потом разговорился, посмотрел на Володины силки и засвистал. Кто же так голубей ловит? Это способ устарелый!..

Конечно, Володя зашевелился — какие такие ещё способы есть? Босяк подумал, спросил брата, один ли он тут.

Узнал, что дедушка в конторе за эстакадой, и свой секрет Володе с глазу на глаз открыл: надо в небольшие детские башмаки, лучше всего в жёлтые — этот цвет голуби обожают, — насыпать зерна. Голубь в башмак голову сунет и наестся до того, что зоб у него колбасой распухнет, так в башмаке и застрянет.

Тут его и бери голыми руками. Хочешь, говорит, попробуем… Твои башмаки в самый раз подходящие.

Володя разулся, доверчив он был, как божья коровка, да и новый способ заинтересовал.

Босяк сунул башмаки под мышку, хлопнул по ним ладонью и ушёл за ящик, приказав брату сидеть тихо-тихо, пока он ему не свистнет…

Он так и просидел с полчаса. А потом ноги затекли, и стали его чёрные мысли мучить.

Вскочил он, бросился за ящик.

Туда-сюда: ни босяка, ни башмаков. Только голуби под ногами переваливаются-урчат… Возьми голой рукой.

И вот так, всхлипывая, — к дедушке в склад он и носа показать не решился, — босой, через весь город, с носками в руке, добрался он домой на Греческую улицу…

Помню очень хорошо: прослушал я Володин рассказ серьёзно-пресерьёзно, ведь дал слово…

Но когда он под конец стал свои босые пальцы рассматривать и опять захныкал, я не выдержал: убежал в переднюю, сунул нос в дедушкино пальто и до того хохотал, что у меня пуговица на курточке отскочила.

За обедом я на бедного Володю и глаз не поднимал. Вспомню, что голуби «жёлтый цвет обожают», так суп у меня в горле и заклокочет… Бабушка, помню, даже обиделась:

— Был в доме один сумасшедший, а теперь и второй завёлся. Поди-поди из-за стола, если не умеешь сидеть прилично!

Обрадовался я страшно, выскочил пулей и весь порог супом забрызгал.

Потому что, когда тебя смех на части разрывает, в такую минуту и капли супа не проглотишь.

‹Не позже 1932›

Разбитое стекло

Взрослый человек стоял в нижнем этаже у стола перед закрытым цветным окном и мыл губкой старый пыльный кактус. Красивое окно: во всю ширину на маленьких оправленных в олово матовых стёклах нарисован был целый сад. Из стекла в стекло завивался душистый горошек, переплетался с диким виноградом, — прищурить глаза — точно в садовой беседке стоишь.

И вдруг — трах! Стекло зазвенело, мимо уха пролетел камень, посыпались осколки, и сквозь зубчатую дыру засквозил клочок улицы, потяну-

ло холодом, бумажки на столе заплясали…

Человек распахнул быстро раму. Перед окном сидела в кукольной коляске удивлённая консьержкина дочка, а направо, словно вспугнутый кролик, удирал малыш в розовой фуфайке. Ага!.. Споткнулся, упал и с рёвом помчался дальше.

Взрослый человек поднял с пола круглый камень — ишь, зверёныш какой, чуть в пенсне не угодил! — и спросил девочку:

— Кто разбил стекло?

Девочка беспокойно завертелась в своей колясочке: очень она туго в ней умостилась — никак не выйти, — и развела руками:

— Не знаю. Не я. Камни лежат вон там, — она показала на груду камней под деревом, — я ведь их и достать не могу!

— Я знаю, что не ты. Ты — умница. Но, может быть, камень бросил твой маленький приятель — Жорж? Почему он так быстро удирал? А?

— О, нет! Что вы! Он совсем не шалун и совсем маленький… Мы играли, он меня возил… А потом я закрыла глаза, задумалась, и… ничего не знаю.

Конечно, она своего друга не выдаст, не такая девочка. Но глазки бегали вверх и вниз, губы морщились, вот-вот расплачется. Бог с ней совсем!

Он вышел на улицу и зашагал к угловому до-

му. Малыш — сын лавочницы; он ведь хорошо его знает: утром всегда, когда ходит за газетой, он здоровается с мальчишкой. И тот, сидя перед лавкой верхом на своей облезлой лошади без хвоста и ушей, всегда трясёт большую руку взрослого человека и заботливо предостерегает: «Здравствуйте, здравствуйте и до свидания, пожалуйста… А то моя лошадь начнёт брыкаться!»

* * *

Лавочница всплеснула руками и от огорчения едва не уронила на пол жестянку с мармеладом.

— Мой сын? Разбил стекло?! То-то он прибежал с улицы, забился за кровать и сидит там, как мышь под стойкой… О, сударь, мы сейчас это выясним.

Позвала сынишку и строго спросила:

— Ты разбил стекло?

Малыш помотал расцарапанным подбородком — нет.

— Как не ты? Господин видел, как ты удирал. Почему ты удирал?

— Я ловил бабочку.

— В феврале, на улице, бабочку?

— Ну, жука. Он пролетел, а я за ним. Он дальше, а я за ним. До самого дома добежал и споткнул-

ся…

— Стыдись! Разбил, так должен сознаться. Что о тебе этот господин подумает?

— Ничего не подумает. Может быть, он сам разбил, а теперь на меня сваливает, чтобы ему не попало…

Перед окном сидела консьержкина дочка, а направо удирал малыш в розовой фуфайке

— Молчи!.. Сейчас же тебя нашлёпаю, слышишь!

— Ты лучше его нашлёпай. Что он ко мне пристаёт?...

Взрослый человек рассмеялся.

— Позвольте, мадам, не наказывайте его. Я сам его спрошу.

Он вынул из-за спины круглый, похожий на сорочье яйцо, камень и показал его мальчику:

— Чей это камень?

— Мой! — радостно закричал мальчик и, вдруг сообразив, что попался, захныкал. — Я не нарочно... Хотел бросить в стенку, а тут ваше окно по дороге попалось.

— Если бы по дороге моя голова попалась?

— Ну, вы тоже скажете. Не может же камень сразу разбить и стекло и голову... Что вы выдумываете?!

Мать рассердилась.

— Перестань болтать глупости! Сейчас же извинись и скажи, что больше не будешь.

— Сейчас же извинись и скажи, что больше не будешь, — покорно повторил мальчуган, обращаясь к стоявшему перед ним человеку.

— Не так! Смеёшься ты надо мной, что ли? Бесстыдник…

— Ты же сама сказала…

Дело, впрочем, окончилось миром. Мальчик извинился, мать дала ему, как полагалось, три лёгких шлепка, он, как полагается, три раза взвизгнул и был посажен на час под стойку на скамеечку. Там у него был домашний карцер.

Стекольщика из строящегося соседнего дома лавочница обещала прислать вечером. Так как посетитель настаивал, что за стекло заплатит он сам, она упросила его взять от неё на память хотя бы апельсин.

И выбрала для него самый крупный и самый душистый. Но взрослый человек всё-таки перехитрил лавочницу и, уходя, сунул незаметно апельсин под прилавок, и оттуда тихим-тихим шёпотом донеслось: «Мерси, сударь, больше не буду!»

1926

Париж

Ссора

Девочка Ната посадила куклу на книжную полку: сиди! А сама поставила на табурет таз с мыльной водой и стала кукольное бельё стирать.

Кукла не человек — никогда сама не скажет, — но хоть раз в месяц надо же ей бельё переменить. Очень весёлое занятие — стирка. Куда веселее зубрёжки французских городов с департаментами, да если их надо ещё на немой карте указать…

Ната стирала не как-нибудь, а по-настоящему.

Сначала в горячей воде с мылом и с содой. Потом полоскала, подсинивала, отжимала и развешивала между двумя стульями на розовой тесёмке. И между делом читала кукле нотацию:

— Фи, срам какой! Рубашка с дыркой, на штанишках резинка лопнула… Неряха…

Голая кукла сидела на полке и обиженно молчала. Языка нет, а то бы она ответила. Разве кукла должна шить-чинить-пришивать? Назвалась мамой, так и старайся сама, нечего на куклу сваливать!

* * *

Меньшой брат Гриша косился из угла и завидовал. Он мальчик, не полоскать же ему кукольные штанишки, в самом деле. А очень интересно! Хорошо бы утюжок разогреть, да сырое бельё прогладить, по всем швам нажимая, — как взрослые делают. И перед тем как гладить, поплевать на испод утюжка надо обязательно — железо зашипит, значит, горячо. Но… нельзя мальчику гладить: Ната не позволит, засмеёт и подруги её задразнят…

Думал, думал и выдумал. Взял мяч, отошёл на середину комнаты и стал над самой головой куклы о стену мяч бросать. В руки, в стенку, в

руки, в стенку… Кукла сидит и от страха глаза растаращила… А Гриша всё дальше отходит и всё сильнее в стену лупит.

Налетела Ната, мяч вырвала и зашипела:

— Ты что это делаешь?! Хочешь ей лоб разбить?

— При чём тут лоб? Я жонглёр!

— Какой жонглёр?

— Такой. В цирке — забыла? Принесли дверь. Жонглёр перед дверью свою жену поставил и давай вокруг головы ножи в доски метать… Веером…

— Так ты женись, тогда и бросай в свою жену ножами, сколько хочешь… А в куклу мою не смей!

— Так я ведь мячом, чудачка…

— И мячом не позволю!..

— Что же я делать буду? Ишь ты какая, сама стирает, а мне и мячом нельзя… Ну, давай мяч, я бросать не буду.

— Зачем же тебе мяч?

— А я ему глаза нарисую, усы. Чтоб смешно было.

Ната мяч отдала — вот глупости выдумал. И снова за свою стирку.

Но Гриша — мальчик упрямый. Исподтишка

изловчился, хотел было опять над головой куклы мячом в стену ударить, да ошибся и угодил кукле в нос…

Кукла всплеснула руками и прямо головой вниз с полки в мыльный таз. Брызги снопом во все стороны, локоны в воде, ноги кверху, а Ната, как паровозный свисток, завизжала и мокрым кукольным одеялом Гришу по голове как хлопнет! Можете себе представить?

Он мальчик, не полоскать же ему кукольные штанишки, в самом деле. А очень интересно!

* * *

Вытерла девочка куклу, губы надула. Как же: локоны все развились, как макароны висят, вода в голову сквозь глазные щёлки попала — потрясёшь, так в голове и булькает. Что же это такое? Теперь ведь кукла водянкой заболеет.

И Гриша сердит. Мокрым одеяльцем по носу смазала!

— Девчонка бессмысленная!..

— А ты мальчишка, капустная кочерыжка! В сто раз лучше девчонкой быть... Я кому мешала? Тихонько себе стирала, а ты вон какую пакость натворил. И все вы такие... Обидчики, драчуны, задиры... Думаешь, штанишки надел, так тебе всё можно? Кошку кто в картонку с маминой шляпой посадил? Ты. Грамматику кто чернилами измазал? Ты. За столом сопишь, во сне в воскресенье ругался. Стыдно! С Вовой вчера такой шум подняли, точно слоны дикие в дом ворвались... Стулья вверх ногами, в камин супом брызгали... Девочки никогда себя так не ведут.

— Мы играли в пожарных, ничего ты не понимаешь. Плакса кислая! Бантик прицепила,

думаешь — умница. В тетрадках промокашка на ленточках. Чистёха какая… А кто тебя от бульдога на улице спас? Мальчик из лавочки. Ага! В воду если с парохода свалишься, кто тебя вытащит? Матрос! А он ведь тоже бывший мальчик… И шофёр — бывший мальчик. И… трубочист. Вам только тряпки на кукол шить… По моде! Подумаешь! У меня лошадь как лошадь, целый год за диваном стоит и никаких ей мод не надо. Ага! Нечего сказать? Накуксилась?

— Не желаю на мальчишкины глупости отвечать. Очень интересно трубочистом быть! А я замуж не выйду, первая в мире балерина… И трубочист придёт, я ему гордо скажу — поскорее почистите мой камин, мне некогда, у меня сегодня выступление. Вот тебе и мальчик! И на рояле все девочки играют, а вы только и знаете: барабан да свою несносную трубу.

— Хорошо, хорошо… Что ты мне не дашь слова вставить? Кто рояль выдумал? Кто музыку сочинил? Мальчики. То есть мужчины, но это же всё равно. И беспроволочный телеграф, и рахат-лукум, и кинематограф, и азбуку, и… и… одеколон. И повар всегда лучше, чем кухарка, — это сама мама говорила… Куклу твою, если сломается, кто починит? Мужчина! Бывший мальчик! Что?

Съела?

— Ничуть не съела. «Хижину дяди Тома» кто написал? Женщина!

— Мужчина!

— Да? Вы так думаете? И Жанна д'Арк была женщина. Понял? Была, и конец.

— Была… я не спорю. Что же, бывают и такие женщины, которые похожи на мужчин…

— Ничуть не похожи! В миллион раз лучше. Не смей возражать… Куклу испортил и ещё возражает!

* * *

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вошла бабушка, нагружённая свёрточками и пакетиками. Ната к ней сломя голову так и бросилась, чуть с ног не сбила.

— Бабушка, бабушка! Он меня дразнит, и куклу мою в воду сбросил, и важничает, вздор про девочек городит, и не даёт мне слова сказать…

— Это тебе-то? — рассмеялась бабушка. — Что такое? Да не тарахти, пожалуйста. Расскажи-ка, Гриша, ты толком.

— Кто, бабушка, Эйфелеву башню построил? Мужчина или женщина?

— Ишь, что выдумал! Мужчина, дружок, кто

же больше? Да хоть бы он её и не строил вовсе. Торчит каланчой, а радости от неё никакой нет…

— Ага, мужчина, ага, мужчина!

Гриша радостно захлопал в ладоши, но бабушка ничего не поняла. Когда же дети, позабыв про куклу-утопленницу, рассказали ей вперебой, о чём они спорили, она посадила внучка под правую руку, внучку под левую, погладила обоих по встрёпанным волосам и, как мудрый царь Соломон, рассудила:

— О чём спорить? Воробьи… С дедушкой вашим, когда мы детьми были, я всегда играла. Никогда не ссорились. Раз вот только заспорили, как вы: кто лучше — мальчики или девочки? И что же, дедушка мне уступил, я — ему, и ссоре конец…

— Как уступил? — спросил Гриша.

— А ты сам догадайся. Подумай-ка хорошенько да отвечай: кто лучше, мальчики или девочки?

— Девочки, — тихо ответил Гриша и покосился на сестру.

— Умник. Ну-ка, Ната, а ты что скажешь?

— Мальчики лучше, бабушка, — глядя в пол, пробурчала Ната. Посмотрела на брата — и оба рассмеялись.

Принялась Ната опять за свою стирку, нельзя же дело на половине бросать. Гриша вертелся

сбоку, вертелся и спросил:

— Можно, Ната, кукольное бельё погладить?

— А ты не сожжёшь?

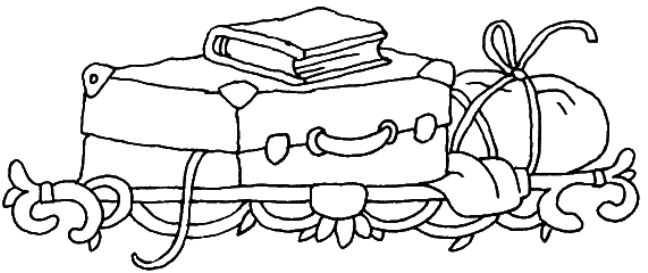
— Нет. Я холодным утюжком.

И стали они вдвоём работать ладно и весело — прачечное заведение, да и только.

Посмотрела бабушка, улыбнулась и поплелась на кухню свои пакетики разбирать.

‹1926›

О мыши, которая легкомысленно забралась в чемодан



В полуоткрытом чемодане завозилась мышь. Прорыла траншею в воротничках и рубашках, вытерла старательно усики, присела на край чемодана и осмотрелась. Куда же это её хозяин завёз?... Обои незнакомые, портреты на обоях незнакомые, кровать в полкомнаты, тоже совсем не то что в Париже. И воздух совсем другой: сырее и потяжелее, чуть-чуть устрицами попахивает. В окно круглый фонарь смотрит, шипит и на дожде покачивается.

Неуютно стало мыши, вскарабкалась по вяза-

ному одеялу на кровать к хозяину, — всё же свой человек…

А дело было так: вчера её хозяин бельё да разные бумаги в чемодан запихал, в дорогу собрался. Мышь из-под стола смотрела, и пришла ей в мышью голову фантазия на чистом белье поваляться… Влезла тихонько в чемодан, а хозяин возьми да и закрой крышку. Протряслась часа три в поезде в сетке и к ночи вот в чужом городе, в чужой комнате и очутилась…

— Пи! Какое досадное положение…

* * *

— Кто вы такая, как вы сюда попали, и почему вы нарушаете в посторонней квартире тишину? — спросила сидевшую на одеяле гостью появившаяся из-под комода толстая старая мышь.

— Я? Приехала с хозяином по делам из Парижа. У него нет детей, и он всегда берёт меня с собой… Но мы так часто с ним путешествуем, что я даже не знаю, куда мы, собственно, теперь приехали: в Копенгаген или в Берлин…

— В Брюссель. А зачем вы сюда пожаловали?

— Мы пишем сценарий из жизни парижских мышей, и я самая главная героиня. Для пьесы нам,

кстати, нужно несколько неуклюжих служанок. Парижские мыши слишком грациозны, но вы бы, например, подошли. Хотите, я за вас замолвлю словечко? Выговор у вас, простите, тяжёлый, как недопечённая булка, но для кинематографа это неважно.

Брюссельская мышь обиделась.

— Не нуждаюсь! Я из солидной фламандской семьи и вертеть в кинематографе хвостом мне не пристало. У моей хозяйки, честной и доброй старушки, тоже нет детей, но у неё есть попугай, с которым я в большой дружбе. Попугай получает два раза в день кусочки поджаренного мяса, на второе орехи и семечки и на третье — шоколад. Он очень щедр и, когда ест, разбрасывает пищу во все стороны, а я, конечно, подбираю… У вас, должно быть, более изящная пища, ишь как у вас живот подвело…

— Нет, что же… это я ради моды похудела. Кусочек поджаренного мяса я бы, впрочем, охотно съела, или ломтик шоколада… — пискнула парижская мышь.

Намёк, кажется, достаточно ясный, но брюссельская толстуха поскребла лапками брюшко и отвела разговор подальше от съестного:

— Не понимаю, почему это у меня на животе во-

лосы вылезают? У вас в Париже тоже?… И вообще, пока люди спят и нам никто не мешает, расскажите-ка мне, что у вас делается в Париже…

— В Париже? Чудесная жизнь. Кошки в последнее время выходят из моды. Заводят собак, но мы, мыши, ничего против этого не имеем. Иные хозяйки, правда, держат ещё тибетских и сибирских кошек, наряжают их в ошейники, берут с собой в лес… Но эти твари тоже мышей не едят, и я однажды даже дёрнула тибетскую кошку за бантик, а она как фарфоровая: вылупила голубые глазки и ни с места… А вообще у нас весело! В каждом доме граммофон и танцы. Хозяева танцуют вверху, а мы внизу. На рассвете пробираемся в квартиру и поедаем бисквитные и шоколадные крошки… Что вам ещё сказать? Усики выходят из моды, хвосты тоже, я слыхала, будут стричь. Недавно в нашем клубе был конкурс худобы, и приз получила мышка, которая вся могла уместиться в чехле для зубочистки…

— Так зачем же вы переехали в такой старомодный город, как Брюссель?… У нас, слава богу, живут прочно, хвостов не стригут, едят до отвала и про чёрный день в укромный уголок провизию откладывают.

— Я ведь вам говорила, — жеманно объяснила

парижанка, — что мы приехали сюда с хозяином, чтобы поработать здесь в тишине над сценарием из мышиной жизни…

Брюссельская мышь иронически повела носом.

— Бросьте! Вы хоть и парижанка, но даже врать правдоподобно не научились… Ваш хозяин самый обыкновенный скупщик кроличьих шкурок, и вы ему так же нужны, как крысе слоновьи клыки. Объясните мне, наконец, толком, как вы попали к нам в Брюссель?

МАМАЛЫГА

А вообще у нас весело! В каждом доме граммофон и танцы

— Не знаю… А скажите, как у вас относятся в Брюсселе к новым мышам?

— К каким это новым?

— Ну к таким, которым бы понравился ваш город и они бы вздумали у вас поселиться…

— Это вы, душечка, о себе, что ли, говорите? Зачем же вам у нас селиться? Вы так грациозны, и выговор у вас такой лёгкий, и хозяин вас любит, как родную дочь. Нет уж, бросьте. Солидным мышам мы всегда рады. Впрочем, солидных у нас уже полный комплект: плотность мышиного населения сверх нормы. А уж такие легкомысленные пищалки, вроде вас, нам, сударыня, не ко двору. Ни одно мышиное общество вас к себе на порог не пустит. А бродяжничество у нас строго преследуется — все закоулки на чердаках и в подвалах на учёте…

— Так что же мне делать?! — растерянно запищала мышь-парижанка. — Простите, пожалуйста! Я совсем не кинематографическая примадонна, и хозяин вовсе не брал меня с собой… Он меня захлопнул крышкой в чемодане, вот и всё. Но что же мне теперь делать? У вас такие симпатичные усики, и вы даже немножко

похожи на мою покойную тётю. Я на всё согласна, не сердитесь на меня: я тоже пополнею и стану неуклюжей, только не гоните меня с этой квартиры… Я умею делать модные причёски и буду массировать ваши лапки, только…

— Нет, нет, — покачала головой брюссельская мышь. — Я на вас не сержусь больше… Но не могу же я впустить вас к себе в квартиру. Что скажет хозяйка? Что скажет попугай? И наконец, поджаренного мяса вовсе не так уж много! Знаете что? Вы ведь можете обратно добраться до Парижа в чемодане, так же точно, как приехали сюда…

В самом деле! Парижская мышь с досады даже себя за хвост куснула: как же она сама не догадалась об этом? И вспомнила заодно, что на дне чемодана лежит целый пакет с бисквитами… О! А она унижалась, как какая-нибудь мышь, сбежавшая из погоревшего дома.

— Благодарю вас за совет… Одно из двух: или вы уж очень простоваты, или я действительно гениальная артистка… Я перед вами простушку от скуки разыгрывала, а вы и лапки растопырили… Слушайте, я вам серьёзно советую подумать. Завтра мы с хозяином отправляемся в кругосветное путешествие. Для нашего сценария нужна служанка. Хотите проветрить мозги и есть каж-

дый день голландский сыр? Подумайте, до утра времени много. А теперь ступайте, милая, в ваш чулан, что вы тут перед глазами торчите?...

И так дерзко она это сказала, что брюссельская мышь из своей же комнаты на цыпочках покорно в коридор вышла и хоть бы слово нашлась ей в ответ молвить.

* * *

Утром человек вскочил с постели, умылся и весело сказал вошедшей в дверь с кофейным прибором хозяйке:

— Доброе утро, тётя! А чемодан, знаете, я решил оставить у вас, стар уж очень. Бельё в газету заверну, против вокзала куплю себе чемодан и переложу...

У парижской мыши сжалось под умывальником сердце... Брюссельская мышь ехидно наступила ей лапкой на хвост и пискнула:

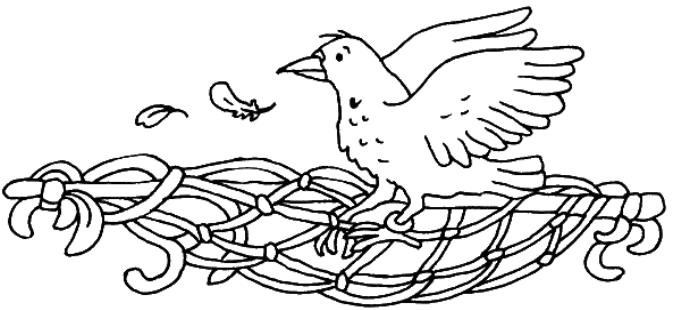
— Что-с?

— Впрочем, — сказал человек, — не люблю я ваших брюссельских чемоданов... Прочен, как утюг, неуклюж, как корова... Доеду уж со своим, а в Париже куплю новый.

— Что-с?... — пискнула парижская мышь, наступая лапкой на хвост брюссельской толстухе.

‹1926›

Железное колечко



В глухом углу сада, в глубине липовой аллеи, жалобно кричала птица. Хлопала крыльями, дёргалась и шипела… Гриша навострил уши, прислушался: «Что за штука такая?» И побежал вдоль огородной сетки на крик.

Вот так история! В гамаке, между двумя старыми липами, бился скворец. Запутался, до половины провалился в петлю — ни взад ни вперёд.

— Постой, постой… Не брыкайся, сейчас я тебя распутаю.

Скворец был умный: не испугался маленьких

рук мальчика и покорно позволил сложить крылышки и вытащить завязнувшие лапки.

— Вот и свободен. Лети куда хочешь. А гамак, дружок, совсем не для тебя. Качайся лучше на ветках…

Скворец взлетел на зеленевшую над гамаком лозинку, внимательно наклонил шейку и вдруг, представьте себе, тоненьким человеческим голосом заговорил:

— Спасибо, мальчишка. Вот уж никогда не забуду!

Гриша так и присел:

— Ты умеешь говорить?! Ах ты, боже мой!..

— А почему бы старому скворцу и не говорить? Наслушался, как люди вокруг трещат, — и перенял. Штука нетрудная… Что ж тебе, мальчик, подарить за твою услугу?

— Да ведь ты ж птица. Велосипеда всё равно не подаришь, а так — у меня всё есть.

— Велосипеда не могу, это правда. Ты что-нибудь полегче придумай…

Гриша задумался. Посмотрел вдруг на лапу скворца, которой тот расправлял пёрышки, и спросил:

— Что у тебя на лапе за колечко? Как оно к тебе попало?

— Секрет. Колечко, брат, особенное.

— Почему особенное?

— Стоит с ним вокруг какого-нибудь места облететь или обежать, ну, хоть вокруг вашей усадьбы, и всё живое, все, кто в усадьбе живут — и люди, и всякая животная тварь — сразу вернутся в своё детство. Станут маленькие-премаленькие…

Мальчик захлопал в ладоши:

— Ты правду говоришь?!

Скворец обиделся:

— Это сороки врут. Скворцы — птицы серьёзные.

— Извини, пожалуйста. Я не знал… Слушай, ты такой умный, умнее… страуса! Подари мне это колечко. Подари, — подари, подари! Ну, пожалуйста…

Скворец покрутил шейкой.

— Жаль.

— Ну, дай хоть на неделю. Я верну… Дай, птичка, дай, моё золото… Я тебе каждое утро сладкую булочку приносить буду. И изюм. И гречневую кашу…

— Уговорил. Только помни: если захочешь позабавиться — обегать надо вокруг усадьбы слева направо, а то ничего не выйдет. Помни же, на неделю…

Скворец сбросил клювом с лапы кольцо, захлопал крылышками и полетел в чащу, — бог его знает, какие у него там дела были…

Ах, как колотилось у мальчика сердце! Осмотрелся — ни души, и помчался вокруг парка вдоль старой стены, слева направо, пока не сомкнулся круг у самого гамака под липой.

* * *

Гриша осторожно подкрался к дому. Двери и окна настежь. Взрослых точно сквозной ветер выдул. Из столовой доносился детский писк. Кто это там пищит?

На пороге столовой он остановился и протёр глаза. Маленькая девчурка (совсем такая, как мама в старом альбоме, когда ей было пять лет) укладывала в картонку из-под шляпы куклу и плохо с ней разговаривала.

Гриша заложил руки за спину и осторожно подошёл поближе:

— Здравствуй, козявка! Как тебя зовут?

— Наташей. И шавшем я не козявка.

Мальчик вздрогнул. Конечно, это она! Маму ведь тоже зовут Наташей. И у девочки точно такие же панталончики с рубчиками, юбочка колокольчиком и вздёрнутый бойкий носик, как

у мамы на карточке.

— А ты кто такой? — спросила девочка.

Мальчик обиделся и глубоко вздохнул.

— Я — Гриша. Твой сын. Разве ты меня не узнала?

— Глупошти. Мой шын шавшем другой.

Она вытащила из картонки замусоленного клоуна и показала его Грише.

— А кукла моя дочка. У неё корь. Пошторонишь, пожалушта, не зашлоняй ей швет…

Гриша посторонился. Что с ней, шепелявкой, делать, если не узнаёт? Она разрыла в мягких тряпках ямку, уложила куклу и стала напевать песенку, знакомую Грише ещё с раннего детства:

«Вше шпят… Шпи и ты…
И букашки, и чветы,
И чиплята, и мартышки,
И девчонки, и мальчишки…»

А на мальчика, стоящего перед ней, даже и не взглянула больше. Мало ли их, мальчиков, на свете.

Гриша совсем надулся. «Хорошая мама, — деревянный паяц ей сын, а я будто пробка, которая на полу валяется».

В кабинете кто-то отчаянно запищал. Он под-

крался к дверям и посмотрел в щёлку: дядя Вова! Сразу его узнать можно было: чубик над лбом, круглая головешка и вишнёвая родинка над левым глазом… Он лежал в бельевой корзинке и отчаянно болтал голыми пухлыми пятками, а щенок изо всех сил тащил из-под него пелёнку.

Гриша шлёпнул щенка, тот радостно обернулся, подпрыгнул и лизнул мальчика в нос. Слава богу, хоть этот узнал. «Тузик, Тузик! Ах ты, собачий младенец…»

Ещё сегодня утром он был старой легавой собакой, глаза слезились, мух и тех ловить перестал. И вот тебе на — щенок. Только напрасно Гриша думал, что щенок его узнал, — просто вошёл в дверь новый человечек, отчего же его не лизнуть в нос?

А где же папа? Ага, вон там в углу на ковре строит карточный домик. И такой же серьёзный, как всегда. Только волосы золотистые, а медальончик на шее тот же самый — синяя эмаль с белым ободком.

Гриша подошёл и опустился на ковёр рядом. Спрашивать уже ни о чём не решался. Папа покосился на Гришу:

— Ты племянник садовника? Который вчера приехал?

— Нет. — Гриша чуть не заплакал с досады. — Сам ты племянник садовника.

Папа удивлённо повернул голову:

— Не хочешь — и не надо. Кукса какая. Не смей дышать на мой домик. Дыши в пол.

Гриша рассердился. Дать ему шлепка, что ли? Неудобно, всё-таки он вроде папы…

Мальчик топнул ногой по ковру — карты рассыпались, и побежал скорей на кухню.

У дверей обернулся: опять строит. Такой уж характер.

Толстая девчонка с серыми навыкате глазами — точь-в-точь как у кухарки — стояла перед скамейкой и лепила из песка пирожки.

Он лежал в бельевой корзинке и отчаянно болтал голыми пухлыми пятками…

— Здравствуйте, Дуняша. Что у вас на обед сегодня?

— А ты почём знаешь, что меня Дуняшей кличут?

— Вот так и знаю. На первое — перловый суп?

— Никакой не перловый. Суп из герани на первое.

Она показала ему чашку с холодной водой, в которой плавали цветы и листья герани.

— А на второе?

Дуняша со вкусом вытерла кончиком фартука нос и задумалась.

— Не знаю. — Она показала ему замазку и горку толчёного кирпича. — Ленивые вареники разве сделать?

Что будет на третье, Гриша и спрашивать не стал. Крем из толчёного стекла, должно быть.

— А где няня?

— Кака така няня?

— Агафья! — «Она тоже теперь, верно, маленькая», — подумал мальчик.

— Агафья там, под лестницей. Кукольные рубашки стирает.

Под лестницей на табуретке стояла суповая

миска из любимого маминого сервиза, и в ней маленькая нянька, засучив рукава, подсинивала какие-то крохотные тряпки.

Гриша решил навести порядок — чего ж с ними стесняться, если они ничего не понимают.

— Разве можно в суповой миске стирать, кикимора?

Девочка так и взвизгнула:

— Я кикимора? Да ты откуда, Таракан Иванович, взялся-то?

— Я мамин сын, — обиженно огрызнулся Гриша. — Ты сама всегда ворчишь, когда непорядки. Отдай миску!

— Когда же я на тебя ворчала это? Лапы прочь! Не то так тебя мокрой рубашкой и двину.

Гриша отскочил: кончик кукольной рубашки задел его по уху. Драться с ней? Стыдно. Она же совсем маленькая…

А из кабинета неслись визгливые крики, будто пять поросят из граммофонной трубы визжали.

Мальчик помчался в кабинет, за ним Агафья и Дуняша.

Дядя Вова натворил беды: выполз из своей корзины, дополз до карточного дома и бухнулся в него всеми четырьмя лапами. Папа — сам серьёзный папа! — ревел и тянул его за хвост

рубашки прочь, щенок тянул за штанишки папу и визжал, мама стояла над ними и, заливаясь слезами, хлопала куклой то папу, то дядю Володю, то щенка. Агафья вступилась за маму, Дуняша за папу, — Гриша уж и не знал, за кого вступаться.

— Цыц! Сейчас же цыц… Я здесь самый старший.

— Ах, ты самый старший! — Папа схватил с подоконника колоду карт и бросил её в Гришу.

— Самый старший?! — закричала мама, набрала в рот из банки для золотых рыбок воды и обрызгала мальчика с ног до головы.

— Самый старший!

Агафья уколола его сзади вязальной спицей, Дуняша, как сердитый бычок, ударила его головой под ложечку, и даже щенок, даже он, единственный, кто его узнал, — схватил шнурок от Гришиной туфли и начисто его оторвал… Бедный Гриша стал отступать к шкафу, быстро скользнул за дверцу и захлопнул её за собой. Ух, как они колотят по шкафу — будто в бочке по железной крыше катишься. А за что? За что они на него напали? Что он им сделал?

Сквозь шум и грохот ничего не было слышно — можно было немножко и поплакать.

* * *

Никогда мальчик не думал, что столько с малышами забот. Только успокоились, расселись по своим уголкам, как опять началось.

Щенок занозил лапу старой граммофонной иглой, которая валялась на полу, и во время операции такой поднял визг, точно Гриша у него зубами кишки вытягивал.

Дядя Вова стянул за угол с ломберного столика скатерть. Разбил любимую папину пепельницу, — это ещё ничего! Со стола слетела на пол английская бумага для мух, дядя Вова сел на неё, не мог отодрать и стал кричать, щенок наступил сбоку лапой и тоже приклеился… Пока Гриша их тёплой водой отмывал, они же его лапами в живот били… Извольте радоваться!

Няня вздумала завивать у маминой куклы волосы. Накалила на спиртовке щипцы и прижгла на кукле все кудряшки, так что она стала похожа на барашка, которым чистили каминную трубу. Мама отказала няне от места, няня показала ей язык, а потом обе стали реветь и тянуть куклу в разные стороны.

Спиртовка опрокинулась на ковёр, вспыхнули бледно-голубые язычки, — к счастью, Гриша не

растерялся, приволок из передней новое папино пальто, бросил его на огонь, а сверху навалился сам. Малыши обрадовались и стали поливать Гришу молоком, квасом, водой из-под золотых рыбок. А щенок… Что сделал щенок, лучше мы и говорить не будем. И все гудели, как сорок восемь пожарных автомобилей: гуп-ряп, гуп-ряп!

Мальчик поднялся с пола — сердитый и мокрый, сконфуженно повесил папино пальто на вешалку и поплёлся в столовую. Что с этой бандой делать? А они все потянулись за ним, как утята за уткой… Какое он ещё представление им устроит?

Стоят — молчат. У кого палец во рту, у кого — целая пятерня. И вдруг началось.

— Хочу кушать! — капризно захныкала мама.

— Пришёл большой… Пожары устраивает, а есть не давает, — угрюмо забубнил папа.

— Давай есть! — сердито дёрнула его за курточку маленькая кухарка.

— Сам, небось, напитался, — крикнула няня, подбоченясь… — Бесстыдник этакий!..

А щенок задрал мокрый нос к потолку и отчаянным голосом взвыл на весь дом:

— У-у-у! Молоком пожар тушили… Всё молоко в ковёр ушло… Что же теперь нам пить-есть?!

Гриша бросился к буфету: кроме сухой булки и

засахаренного смородинного варенья — ничего. На нижней полке нашёл в банке остатки сгущённого молока. Размешал с вареньем, намазал на хлеб и заткнул наскоро всем рты…

Побежал на кухню: картошка, саго, капуста, перловка, какао… Что с этим делать? Кухарка крохотная — кроме супа из герани ничего приготовить не может.

Помчался на птичий двор и в хлев — авось хоть яиц немного соберёт да как-нибудь подоит корову. Всё-таки лёгкая провизия…

Но на птичьем дворе ни одной взрослой курицы не было — только цыплята канареечными шариками с голодным писком посыпались к нему из всех углов. Гриша вынул из кармана кусок хлеба, покрошил им и побежал в хлев. Увы, так он и думал: корова превратилась в телушку — знакомое чёрное пятно на боку, мохнатые светлые ресницы — и, жалобно мыча, повернула к мальчику голову: «Му! Молока… Где моя ма-ма?…»

Гриша схватился за голову… Побежал на огород: редиска, лук, бобы. Тыква такая дурацкая, всё не то, всё не то. Ах, как трудно без взрослых жить!

Подкрался снова к дому. Боже мой, — из раскрытых окон доносился такой визг и плач, будто Баба Яга их всех головой в угольный мешок всо-

вывала. Он заглянул с веранды в окно. Господи! Перемазанные вареньем малыши, как раки из корзины, расползлись по ковру и пищали. Ну, конечно, — у них разболелись животы… Шутка ли, всю банку съели. Щенок, сунув голову в камин, визжал и корчился: должно быть, у него морская болезнь начиналась…

Что ж делать? Где же настоящая большая мама и няня, которые всё умеют, и всё понимают, и всем управляют?!

Гриша нащупал в кармане железное колечко, повертел его в пальцах и захныкал. Как теперь их всех расколдовать? Горе-то какое…

И, размазывая на ходу кулаком струившиеся по щекам слёзы, побежал к гамаку.

— Скворушка! Где ты там? Беда у нас случилась…

Из липовых листьев высунулась знакомая тёмно-серая головка:

— Ау! В чём дело, мальчик?

— Расколдуй их, пожалуйста!.. Я тебе две недели все свои утренние булочки приносить буду. Вот оно, твоё колечко.

— Что так? Взял на неделю, а через три часа назад. Ну, ладно. Расколдую и без булочек. Вот, смотри…

Скворец взял колечко в клюв и полетел низко над травой справа налево, в обратную сторону. Через минуту птица подлетела к гамаку.

— Готово. Ступай домой — и никому ни слова. Всё в порядке.

Мальчик радостно свистнул и помчался к веранде. У крайних кустов приостановился — из столовой доносился голос большой, настоящей мамы:

— Ничего не понимаю! Кто всё варенье съел? Почему от ковра спиртом пахнет? Почему пальто на полу валяется?

Недовольный голос взрослого папы отозвался:

— Пепельницу мою расколотил кто-то… И новое пальто всё в молоке… Чёрт знает что такое! Гриша! Иди-ка, дружок, сюда.

Но милая, справедливая няня вступилась:

— Да он, батюшка, и не был тут. Всё по парку носится. Кот, должно быть, чужой в окно вскочил и накуролесил.

Папа себя только по коленке хлопнул:

— Странный кот… Варенье из запертого буфета выудил, пальто снял и измазал… Скажи ты на милость!

Что ж няне за чужих котов отвечать. Мало ли какие бывают.

Высунулась она в окошко, посмотрела во все стороны и крикнула наугад в кусты:

— Гришенька! Куда ты там запропастился? Обедать, милый, иди.

Из густого шиповника около самого дома тонкий Гришин голосок ей сконфуженно ответил:

— Сейчас…

Надо было ему ещё свою растрёпанную курточку в порядок привести. А что им сказать?… И слов никаких в голове не было. Ведь всё равно ничего им не объяснишь толком в этой истории…

‹1932›

Мирная война

За синими, братцы, морями, за зелёными горами в стародавние времена лежали два махоньких королевства. Саженью вымерять — не более двух тамбовских уездов.

Население жило тихо-мирно. Которые пахали, которые торговали, старики-старушки на завалинке толокно хлебали.

Короли ихние между собой дружбу водили. Дел на пятак: парад на лужке принять, да кой-когда, — министры ежели промеж собой повздорят, — чубуком на них замахнуться. До того благополучно жилось, аж скучно королям стало.

Был у них на самой границе павильон постро-

ен, чтоб далеко друг к дружке в гости не ходить. Одна половина в одном королевстве, другая в суседском.

Сидят они как-то, дело весной было, каждый на своей половине, в шашки играют, каждый на свою землю поплёвывает.

Стража на полянке гурьбой собрамшись, кто в рюхи играет, кто на поясках борется. Над приграничным столбом жучки вьются, — какой из какого королевства и сам не знает.

Вынул старший сивый король батист-платок, отвернулся, утёр нос, — затрубил протяжно, — спешить некуда. Глянул на шашечную доску, нахмурился.

— Не ладно, Ваше Королевское Величество, выходит. У меня тут с правого боку законная пешка стояла. А теперь гладко, как у бабы на пятке… Ась?

Младший русые усы расправил, пальцами поиграл.

— Я твоим шашкам не пастух. Гусь, может, мимо пролетающий, крылом сбил, али сам проиграл. Гони дальше…

— Гусь? А энто что?… — И с полу из-под младшего короля табуретки шашку поднял. — Чин на тебе большой, королевский, а играешь как

каптенармус. Шашки рукавом слизываешь.

— Я каптенармус?…

— Ты самый. Ставь шашку на место.

— Я каптенармус?! От каптенармуса и слышу! — скочил младший король с табуретки и всю игру полой халата наземь смахнул.

Побагровел старик, за левый бок хватился, а там заместо меча чубук за пояс заткнут. Жили прохладно, какие там мечи.

Хлопнул он в ладоши:

— Эй, стража!

Русый тоже распетушился, кликнул своих.

Набежали, туда-сюда смотрят: нигде жуликов не видно. Да и бить нечем, — бердышей-пищалей давно не носили, потому оченно безопасная жизнь была.

Постояли друг против друга короли, — глаза как у котов в марте, — и пошли каждый к себе подбоченясь. Стража за ими, — у кого синие штаны за сивым королём, у кого жёлтые — за русым.

* * *

Стучат-гремят по обеим сторонам кузнецы — пики куют, мечи правят. Старички из пушек воробьиные гнёзда выпихивают, самоварной мазью медь начищают. Бабы из солдатских запас-

ных штанов моль веничком выбивают, мундиры штопают, — слёзы по ниткам так и бегут. Мужички на грядках ряды вздваивают, сами себе на лапти наступают.

Одним малым ребятам лафа. Кто на пике, заднюю губернию заголив, верхом скачет… Иные друг против дружки стеной идут, горохом из дудок пуляют. Кого в плен за волосья волокут, кому фельдшер прутом ногу пилит. Забава.

Призадумались короли, однако по ночам не спят, ворочаются, — война больших денег стоит. А у них только на мирный обиход в обрез казны хватало. Да и время весеннее, боронить-сеять надо, а тут лошадей всех в кавалерию-артиллерию согнали, вдоль границы укрепления строют, ниток однех на амуницию катушек с сот пять потребовалось. А отступиться никак невозможно: амбицию свою поддержать кажному хочется.

Докладает тем часом седому королю любимый его адъютант: так-то и так, Ваше Величество, солдатишка такой есть у нас завалящий в швальне, солдатские фуражки шьёт. Молоканского толку, не пьёт, не курит, от говяжьей порции отказывается. Добивается он тайный доклад Вашему Величеству сделать, как войну бескровно-безденежно провести. Никому секрета не открывает.

Как, мол, прикажете?

— Гони его сюда. Молокане, они умные бывают.

Пришёл солдатик, смотреть не на что: из себя михрютка, голенища болтаются, фуражка вороньим гнездом, — даром что сам мастер. Однако бесстрашный: в тряпочку высморкался, во фронт стал, глаза как у кролика, — ан смотрит весело, не сморгнёт.

Чин на тебе большой, королевский, а играешь как каптенармус

— Как звать-то тебя?

— Лукашкой, ваша милость. «Трынчиком» тоже в швальне прозывают, да это сверхштатная кличка. Я не обижаюсь.

— Фуражки шьёшь?

— Так точно. Нескладно, да здорово. А в свободное время лечебницу для живой твари содержу.

— Какую ещё лечебницу?

— Галчонок, скажем, из гнезда выпадет, ушибётся. Я подлечу, подкормлю, а потом выпущу…

— Скажи, пожалуйста… Добрый какой.

— Так точно. Веселей жить, ежели боль вокруг себя утишаешь.

Повёл король бровью.

— Ишь ты, Чудак Иванович. А каким манером, ты вот похвалялся, — бескровно и безденежно войну вести можно?

— Будьте благонадёжны. Только дозвольте до поры до времени секрет при мне содержать, а то все засмеют, ничего и не выйдет.

— Да как быть-то? Ядра льют, пуговицы пришивают… Чего ж ждать-то?

— Не извольте беспокоиться. Пошлите, ваша милость, суседскому королю с почтовым голубем

эстафет: в энтот, мол, вторник в семь часов утречком пусть со всем войском к границе изволят прибыть. Оружия ни холодного, ни горячего чтоб только с собой не брали, — наши, мол, тоже не возьмут… И королевскую большую печать для правильности слова приложите. Да на военный припас мне три рубля пожалуйте, только всего и расходов.

— Ладно. Однако смотри, Лукашка… Ежели на смех меня из-за тебя, галчонка, подымут, — лучше бы тебе и на свет не родиться.

— Не изволь пужать, батюшка. Раз уж родился, об чём тут горевать…

С тем и вышел, голенища свои на ходу подтягивая.

* * *

Стянулись к приграничной меже войска, — кто пешой, кто конный. Оружия, действительно, как условились, не взяли. Построились стеной строй против строя. Шёпот по рядам, как ветер, перекатывается. Не зубами ж друг друга грызть будут… Ждут, чего дальше будет.

Короли, насупившись, кажный на своём правом фланге на походном барабане сидит, в супротивную сторону и не взглянет.

Глядь, издалека на обозной двуколке Лукашка катит, под себя чего-то намостил, будто кот на бочке подпрыгивает.

Осадил коня промеж двух войск, скочил наземь и давай из тележки, круг за кругом, толстый корабельный канат выгружать. А вдоль каната на аршине дистанции узлы позакручены.

Стал Лукашка на пень, ладони лодочкой сложил и во все стороны звонким голосом разъяснение сделал:

— Вот, стало быть, братцы, посерёдке каната для заметки синий флажок завязан. Пущай кажное войско, на своей стороне в затылок стамши, за канат берётся. Флажок, значит, над самой границей придётся. И с Богом, понатужьтесь, тяните на перетяжку… Чья сторона осилит, канат к себе перетянет, та, стало быть, и одолела. И амбицию свою соблюдём, и никакого кровопролития в золотой валюте. Скоро и чисто… Полей не перетопчем, детей не осиротим, хаты целы останутся. А уж какое королевство не одолеет, пущай супротивникам на свой кошт полное угощение сделает. Всему то есть населению… Ежели господа короли согласны, нехай кажный со своей стороны батист-платочком взмахнёт — и валяйте! А чтоб веселей было тянуть, пущай полковые

оркестры вальс «Дунайские волны» играют. Усё.

Ухмыльнулись короли, улыбнулись полковники, осклабились ротные, у солдат — рот до ушей. Понравилось. Стали войска по ранжиру гуськом, белые платочки в воздухе взвились. Пошла работа! Тужатся, до земли задами достигают, иные сапогами в песок врывшись, как клюковка стали… А которые старшие, вдоль каната бегают, своих приободряют: «Не сдавай, ироды, наяривай! Ещё наддай!.. Наддай, родненькие, так вас перетак…»

Лукашка клячу свою отпрёг, брюхом перевалился, вдоль каната разъезжает, — чтоб обману нигде не было. Увидал, как на супротивной стороне канат было об берёзу закрутили, чичас же распорядился: «Отставить! Воюешь, так воюй по правилу…»

Вспотели кавалеры, дух над шеренгой будто портянки в воздухе поразвесили, — птички так в разные стороны и разлетелись. А народ в азарт вошёл. Полковники которые, генералы, все к канату прицепились, старички некоторые, мирное население, из-за кустов повыскакивали, вонзились, кажный в свою сторону наддаёт-тянет. Только и слышно, как штаны-ремешки с обеих фронтов потрескивают.

Короли и те не выдержали. Повскакали с барабанов, кажный к своему концу бросился… Музыканты трубы покидали и туда же…

И вдруг, братцы мои, как лопнет канат на самой серёдке: так оба войска гуськом наземь и попадали. Пыль винтом. Отдышались, озираются… Как быть?

Кличет седой король Лукашку:

— Эй, ты, Ерой Иванович! Как же теперь вышло? Кто победил-то?

А Лукашка громким голосом на всю окрестность, глазом не сморгнувши, объявляет:

— Ничья взяла. Полное, стало быть, замирение с обеих сторон. Кажный король суседское войско угощает. А на завтра, проспавшись, все, значит, по своим занятиям: кто пахать, кто торговать, кто толокно хлебать.

Ликование тут пошло, радость. Короли друг дружку за ручку трясут, целуются. По всей границе козлы расставили, столы ладят, обозных за вином-закусками погнали. А пока обернутся, тем часом короли в павильоне за свои шашки сели, честно и благородно.

Не все, конечно, с земли встали-то. У иных, как канат лопнул, — шаровары-брючки по швам разошлись, как тут пировать будешь. Кое-как

рукой подтянувши, до кустов добрались, а там бабы, которые на сражение издаля смотрели, швейную амбулаторию открыли. Известно, уж у кажной бабы в подоле нитка-иголка припасена.

Кликнули к себе короли в павильон Лукашку.

— Что ж, молодец, дело своё ты справил. Чем тебя наградить, говори, не бойся. На красавице женить, альбо дом с точёным крыльцом построить?

Высморкался Лукашка в тряпочку, во фронт стал, отвечает:

— Дом у меня везде. Где я нужен, там и мой дом. Красавицы мне не надо, из себя я мизерный, ей будет обидно. Да и мне она, человеку кроткому, не с руки. Соблаговолите лучше, Ваше Здоровье, приказ отдать по обоим королевствам, чтоб ребята птичьих гнёзд не разоряли. Боле ни о чём не прошу.

Ухмыльнулись короли, обещали, отпустили его с миром. Блаженного дурака и наградить нечем…

* * *

Таким манером, землячки, сражение энто на пользу всем и пошло. У других от войны население изничтожается, а здесь прибавка немалая

вышла. Потому, когда бабы по густым кустам-буеракам разбрелись — портки полопавшие на воинах пострадавших чинить, — мало ли чего бывает. Крестников у Лукашки завелось, можно сказать, несосветимое число.

‹1930›

Париж